
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2018/4

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2018

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Гочо Гочев,
проф. д-р Стефка Георгиева, проф. д-р Елена Стоянова,
проф. д-р Татьяна Алексиева

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Владова (главный редактор), доц. д-р
Радослава Илчева (зам. гл. редактора), доц. д-р Димитрина
Лесневска (зам. гл. редактора), проф. д.ф.н. Христо
Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв. секретарь),
Радослава Лесневска (технический редактор).

**Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную
библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ
по адресу: <http://www.eLibrary.ru>**

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Н.К. Димитрова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С БОЛГАРСКИМ ЯЗЫКОМ)
..... 5

Г.В. Ангелова

ПО ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННОГО
ТРАВЯНИСТОГО РАСТЕНИЯ ТАТАРНИК КОЛЮЧИЙ
(*ONOPORDON ACANTHIUM L.*) В РУССКОМ И
БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ..... 17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.Н. Безруков

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ФРАКТАЛ
СМЫСЛОВЫХ КООРДИНАТ 28

В.И. Донева

Тайнствени аспекти в повестите «Призраци», «Сън» и «Клара
Милич» от Тургенев 36

Л.В. Дмитриухина

ОТ МУЗЕЯ-БИБЛИОТЕКИ ИМ. И.С. ТУРГЕНЕВА К
ОРЛОВСКОМУ ОБЪЕДИНЁННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ МУЗЕЮ И.С. ТУРГЕНЕВА 49

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Е.Г. Давчева

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ В БЪЛГАРСКАТА
УЧЕБНИКАРСКА КНИЖНИНА 60

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

В.С. Манчев, Е.В. Солнцева-Накова

О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА КАК ФЕНОМЕНА
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА)..... 75

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ В ПРАКТИКЕ

ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ: ИЩЕМ «ЗЕЛЁНУЮ ПАЛОЧКУ»

Л.Н. ТОЛСТОГО В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ..... 86

РЕЦЕНЗИИ

Д.С. Лесневска

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО: СБ. СТ. V МЕЖДУНАРОДНОЙ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (Г. ПЕНЗА, 22 –

25 МАЯ 2018 Г. / ПОД РЕД. О.В. БАРАБАШ; РЕДКОЛЛЕГИЯ:

М.Б. ВОРОШИЛОВА, Т.В. ДУБРОВСКАЯ, А.К. ДЯТЛОВА,

Н.А. ПАВЛОВА. – ПЕНЗА: ИЗД. ПГУ, 2018. – 484 С. 97

ХРОНИКА

Д.С. Лесневска

ДВЕНАДЦАТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

«РУСИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»..... 100

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 104

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 106

ЛИНГВИСТИКА

Димитрова Нина Кръстева
доктор филологии, ст. преподаватель
Высшее транспортное училище им.
Тодора Каблешкова
Болгария, г. София
e-mail: nina.dimitrova@mail.bg

Dimitrova Nina Krasteva
Chief Assist., Ph.D.
Todor Kableshkov University of
Transport
Bulgaria, Sofia
e-mail: nina.dimitrova@mail.bg

Н.К. Димитрова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С БОЛГАРСКИМ ЯЗЫКОМ)

Аннотация: Корпус исследования составили 38 фразеологических единиц с железнодорожным компонентом – 21 русская и 17 болгарских. Цель работы – их сопоставление на семантическом и формальном уровнях. Анализ показывает, что между исследуемыми фразеологизмами русского и болгарского языков много общего на уровне стереотипов восприятия объектов и процессов, что объясняется сходством культурно-дискурсивного пространства двух народов. Различия же обусловлены лингвокультурными особенностями, порождающими своеобразие метафорического моделирования. Результаты исследования могут найти применение в переводческой деятельности, а также в обучении студентов.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, железнодорожный компонент, эквивалентность фразеологизмов

N.K. Dimitrova

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A RAILWAY COMPONENT IN THE RUSSIAN LANGUAGE (IN COMPARISON WITH THE BULGARIAN LANGUAGE)

Abstract: The corpus of the study consists of 38 phraseological units with a railway component – 21 Russian and 17 Bulgarian ones, the research being aimed at comparing them at semantic and formal levels. The analysis shows that between studied Russian and Bulgarian phraseological units there is much in common at the level of stereotypes of perception of objects and processes, which is based on the similarity of two peoples' cultural-discursive space. Differences are due to linguocultural features that generate metaphorical modelling specificity. Research results can be used in translation, as well as in teaching university students.

Keywords: phraseology, phraseological units, railway component, phraseological equivalents

1. Фразеологизм как особая единица языка

Фразеологизмы (фразеологические единицы, фразеологические обороты, устойчивые сочетания и т.д.) являются объектом исследования многих работ, в которых выявляются их сходства и различия со словами и свободными словосочетаниями в системе языка, определяются их дифференциальные признаки, выделяются их типы: [1], [4], [12], [15], [19] и др.

Фразеологические единицы (ФЕ) обычно образуются на основе метафорического переосмысления свободных словосочетаний преимущественно в целях выполнения экспрессивно-синонимических функций. Таким образом, фразеологическое значение (ФЗ) отличается сугубо от лексического тем, что его связь с денотатом не прямая, а опосредованная прямым лексическим значением свободного словосочетания и полученной в процессе метафоризации образностью. По мнению Шмелёва, процесс метафоризации наиболее интенсивно затрагивает те группы лексики, которые связаны с насущными в данный период жизни общества явлениями [20, с.94–95].

Важнейший источник образования ФЕ – разговорная речь, но им также может выступить и профессиональный язык.

2. Фразеологизмы с железнодорожным компонентом в русском и болгарском языках как отражение антропоцентричности мышления

С создания Уаттом в 1784 г. паровой машины и построения в 1825 г. Стефенсоном паровоза началась эра железных дорог, ставших основным видом транспорта в XIX – первой половине XX вв. и не утративших своего значения в мировой экономике по сей день.

Окружающая действительность, достижения в развитии духовной и материальной культуры неизбежно отражаются в языке. Идеи Гумбольдта, его понимание языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [5, с.304], стали основой антропоцентризма – основного принципа лингвистики на рубеже XX–XXI вв. При таком рассмотрении «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования...» [8, с.212].

С позиций антропологической лингвистики в рамках любой национальной языковой картины мира можно выявить фразеологическую картину мира, которая самым ярким образом раскрывает национально-культурную специфику различных языков.

ФЕ с железнодорожным компонентом (жд компонентом) в русском и болгарском языках представляют немногочисленные (по сравнению, например, с фразеологизмами-соматизмами или фразеологизмами-зоонимами) группы. Корпус исследования составили 38 единиц – 21 русская и 17 болгарских, содержащих в каждом из языков по 9 жд компонентов¹. Среди них выявлены как полные эквиваленты, смысл, стилистическая направленность и образность которых совпадают, так и неполные (частичные) эквиваленты, обладающие одним и тем же ФЗ и стилистической окраской, но имеющие расхождения в компонентном составе.

Слово *поезд* (болг. *влак*) в русском языке (РЯ) имеет два значения²: 1. Состав сцеплённых железнодорожных вагонов, приводимых в движение локомотивом или моторным вагоном. 2. Ряд повозок, следующих одна за другой, а в болгарском языке – одно, соответствующее 1 знач. слова *поезд*.

В русских ФЕ слово *поезд* ассоциируется с возможностью – упущенной или реализованной в последний момент: *поезд ушёл* – «время упущено» (разг.); *заскочить (запрыгнуть) в уходящий поезд*; *заскочить (запрыгнуть) в последний вагон уходящего поезда* – «уцепиться за последнюю возможность». В болгарском языке (БЯ) зарегистрированы их неполные эквиваленты с жд компонентом «влак» – ФЗ и образная составляющая совпадают, но есть разница в компонентном составе: *да изпусна (да изтърва) влака*; *хващам/да хвана последния влак*.

В РЯ слово *поезд* во ФЕ как *скорый поезд* ассоциируется с быстрым ходом времени и жизни – (*жизнь летит, годы летят, проходят*) как *скорый поезд (мимо полустанка)*. Схожая по компонентному составу и образной составляющей болгарская ФЕ

¹ Корпус исследования эксцерпирован из русских и болгарских фразеологических словарей, в т.ч. доступных в сети: [3], [6], [7], [11], [16], [17], [18]

² Значения русских слов в статье приводятся по [9] и [13], а болгарских – по [2] и [14].

(минавам/да мина) като бърз влак (покрай малка гара) имеет совершенно иное ФЗ – «пройти мимо кого-н., не останавливаясь, обычно выражая этим своё пренебрежение».

В БЯ употребляется ещё одна ФЕ с компонентом «влак», которая не имеет эквивалента с жд компонентом в РЯ: *за всеки влак си има пътници* (букв. ‘у каждого поезда свои пассажиры’) – призыв не терять надежды, ждать подходящей возможности.

Управление поездом в БЯ передаёт ассоциацию с выполнением руководящих функций, какой нет в РЯ. Напр., *кой (ще) кара влака?* (букв. ‘кто ведёт/будет вести поезд?’); *аз (ще) карам влака* (букв., ‘я веду/буду вести поезд’) – т.е. «кто за главного; я за главного».

ФЗ сложности, непонятности чего-л. выражается болгарской ФЕ с компонентом «железница» (устар. *поезд*) *гледам като теле в железница* (букв. ‘смотреть как теля в поезде’), не имеющей эквивалента с жд компонентом в РЯ (Ср. *смотреть как в афишу коза, смотреть как баран на новые ворота*).

Значение слова *паровоз* (болг. *парен локомотив*) как в РЯ, так и в БЯ одинаково – «локомотив с паровым двигателем».

Если обратить взор назад в далёкий XVIII в., нетрудно оценить, что именно появление паровоза, сложнейшей для своего времени мощной машины, которая, пыхтя, тащила за собой вереницу тяжело гружёных вагонов, ознаменовало новую эру в развитии транспорта – повысилась мощность перевозок, ускорились доставки пассажиров и грузов на дальние расстояния в любое время года. Вероятно, поэтому слово *паровоз* в РЯ передаёт ассоциации с мощностью, движением во главе (поезда), сложным (по сравнению с лошадиной повозкой) устройством и шумом (при движении), ставшие основой для формирования ФЗ таких единиц, как: *переть как паровоз* (прост.) – «надвигаться, идти напролом, преодолевая какое-л. сопротивление»; *бежать впереди паровоза* (разг.) – «опережать события, нарушать нормальный ход развития ситуации»; *не будь умнее паровоза* (разг.) – призыв не заноситься, быть скромнее, не умничать; **НЫХТЕТЬ КАК ПАРОВОЗ** (разг.) – «тяжело дышать, напрягаясь». В БЯ зарегистрирован эквивалент только к последнему обороту – *пуфтя като парен локомотив*.

Во время работы над данным материалом мы наткнулись на весьма интересный факт. В русском биржевом жаргоне слово *паровоз* употребляется в значении «фондовый рынок, биржа». Соответственно, ФЕ *бежать впереди паровоза* имеет ФЗ «торговать на опережение; быть умнее рынка – покупать незадолго перед началом роста или продавать перед началом падения», а *бежать впереди паровоза и не спотыкаться о шпалы* – «торговать на опережение достаточно долгое время, не допуская ошибок» [10].

Слово *вагон* (болг. *вагон*) в обоих языках имеет прямое значение «несамоходное транспортное средство, движущееся по рельсам». Переносное значение в РЯ связано с обозначением большого количества (*времени у нас вагон*) и послужило основой для образования ФЕ *вагон и маленькая тележка* (разг. шутол.) – «очень много кого-н., чего-н.». В БЯ в переносном значении слово *вагон* также ассоциируется с большим количеством чего-н. (напр., *да прочета вагон книги* и пр.), но ФЕ с таким компонентом не зарегистрирована.

Прямое значение слова *тормоз* (болг. *спирачка*) – «механизм или устройство для уменьшения скорости или остановки машины, поезда», а также переносное значение «помеха, препятствие в развитии чего-н.» (*тормоз в работе*), послужившее основой для образования ряда ФЕ в обоих языках, совпадают (Ср. рус. *нет тормозов* – «нельзя, невозможно остановить или помешать осуществить задуманное»; болг. *държа спираката* – букв. 'держат тормоз' – «задерживать развитие, исполнение чего-н.», *удрям/да ударя спирачка* – букв. 'резко нажать на тормоз' – «остановить, задержать ход чего-н.» и др.). Так как нельзя с уверенностью утверждать, что в перечисленных оборотах «тормоз» является жд компонентом, они остались за пределами данного исследования. Выражение *спустить на тормозах* в значении «вести поезд вниз по склону без тяги с зажатыми тормозами», бытующее в профессиональной речи железнодорожников, – единственное, которое функционирует в качестве разговорной ФЕ, имеющей ФЗ «уладить что-н. неприятное тихо, без шума и широкой огласки». В БЯ не зарегистрирован его эквивалент с жд компонентом.

Слово *гудок* (болг. *свирка*) в РЯ означает: 1. Механическое устройство для подачи гудящих сигналов. 2. Звук свистка или сирены. 3. Старинный русский струнный смычковый музыкальный инструмент. В БЯ слово *свирка* имеет два значения: 1. То же, что свисток. 2. Гудок в 1-м. знач. Соответственно, в обоих языках слово *гудок* имеет отношение к железнодорожной терминологии, обозначая устройство, при помощи которого локомотив подаёт звуковой сигнал. Данное значение слова послужило основой для образования ФЕ *весь пар уходит в гудок (свисток)* (разг. публ.) с ФЗ «работать, действовать безрезультатно или малоэффективно». В БЯ зарегистрирован его полный эквивалент: *всичката пара отива в свирката*.

В РЯ и БЯ слово *рельс* (болг. *релса*) имеет прямое значение «узкий стальной брус на железнодорожном пути, по которому катятся колёса, и переносное значение – «направление, путь».

Фразеологизм *переводить/перевести на рельсы* (книж. офиц.) и его эквивалент в БЯ с тем же компонентом – *поставям/да поставя на релси* имеют ФЗ «организовывать определенным образом, наладить».

ФЕ *соскочить с рельсов* (прост.) с ФЗ «утратить, изменить к худшему привычный, устоявшийся порядок, образ жизни, режим работы» имеет неполный эквивалент в БЯ *излизам/да изляза от релсите; извън релси съм*. Необходимо отметить, что схожая по компонентному составу русская ФЕ *сойти с рельсов* (разг.) употребляется в ином значении – «Нарушая обычный образ жизни, загулять, запить» (разг. неодобр.).

Фразеологизм *становиться/стать на рельсы* (публ.) со значением «начинать развиваться в каком-л. направлении, каким-л. образом» не имеет эквивалента с жд компонентом в БЯ.

Приведённым ниже болгарским ФЕ с компонентом «релси» соответствуют русские ФЕ с компонентом «колея». Слово *колея* (болг. *коловоз*) имеет два прямых значения: 1. Канавка, углубление от колёс на дороге. 2. Железнодорожный путь из двух параллельных рельсов, и переносное значение «привычный ход дел, жизни». И хотя во втором своём значении слово *колея* употребляется в железнодорожной терминологии, можно предположить, что образная составляющая русских фразеологизмов связана скорее с первым его

значением: *вкарвам/да вкарам в релси някого, нещо* – *направить в нужную колею кого-н., что-н.; влизам/да вляза в релсите* – *входить/войти (попадать/попасть) в колею (разг.)* – «возвращаться к привычному образу жизни, деятельности, к обычному, нормальному порядку».

Болгарская ФЕ *изваждам/да извадя от релси* с ФЗ «выводить/вывести из себя кого-н.; выводить/вывести из терпения» не имеет эквивалента с жд компонентом в РЯ. В этой связи нельзя не отметить, что схожие по форме русские ФЕ *выбивать/выбить из колеи* (разг. экспрес.) и *вышибать/вышибить из колеи* (прост.) имеют иной смысл – «утрачивать привычное состояние, нарушать привычный образ жизни».

В РЯ слово **тупик** имеет два прямых значения: 1. Улица, не имеющая сквозного прохода и проезда. 2. Железнодорожный станционный или иной путь, сообщаемый с другими путями только одним концом. В БЯ им соответствуют два разных эквивалента: *задънена (глуха) улица* и *глуха линия/глух коловоз* (жд). Считается, что переносное значение слова «безвыходное положение, а также вообще то, что не имеет перспектив дальнейшего развития» исторически возникло на основе первого значения, но в современном русском языке слово вызывает скорее ассоциации с тупиковым путём. Компоненту «тупик» в зарегистрированных русских ФЕ соответствует компонент «задънена улица» в БЯ: *заходитъ/зайти в тупик* (разг.) – *попадам/да попадна в задънена улица, стигам/да стигна до задънена улица; выходитъ/выйти из тупика* – *излизам/да изляза от задънена улица; загонятъ/загнать в тупик* (разг.) – *вкарвам/да вкарам в задънена улица*. ФЕ *становишья/стать в тупик* с ФЗ «приходить в крайнее затруднение, замешательство» (болг. *оказвам се/да се окажа в затруднено положение*), и *ставишья/поставишья в тупик* с ФЗ «приводить в крайнее затруднение, замешательство» (болг. *поставям/да поставя в затруднено положение*), не имеют эквивалентов с жд компонентом в БЯ.

В БЯ употребляется несколько ФЕ с компонентами «глуха линия» и «глух коловоз» (тупик во 2 знач.), которые ассоциируются с застоем, отсутствием перспектив развития: *стоя/намирам се в глуха*

линия (глух коловоз) – букв. ‘стоять, находиться на тупиковом пути’ – «сидеть на бесперспективной работе»; *пращам/да пратя (бутам/да бутна) в (трета/девета) глуха (линия), бутам/да бутна в глух коловоз* – букв. ‘перевести (заталкивать/затолкать) на (третий/девятый) тупиковый путь’ – «назначить/перевести на рабочее место, не дающее перспектив развития, обречь на застой».

Словосочетание *зелёная улица* имеет в РЯ прямое значение «свободный путь, без препятствий и задержек (для движения транспорта)» и переносное значение «благоприятные условия, отсутствие препятствий для осуществления чего-л.». Предполагается, что первоначальная сфера употребления выражения *давать/дать (открывать/открыть) зелёную улицу* (разг. экспрес.) в значении «обеспечить составу беспрепятственное движение на зелёный свет по всему пути следования» – профессиональная речь железнодорожников. Считается, что ФЕ, которая возникла на его основе с ФЗ «устранять все препятствия, мешающие осуществлению чего-л.», собственно русская, вошедшая потом из РЯ в языки других стран [15, с.355]. Подтверждение тому мы находим в БЯ, где функционирует её полный эквивалент *давам/да дам зелена улица*.

Значения слова *стрелочник* – как прямое – «рабочий, ведающий переводом стрелки», так и переносное – «простой исполнитель, кого можно обвинить в случившемся» (разг. ирон.), совпадают в обоих языках. Соответственно, русская ФЕ *стрелочник виноват* (разг. ирон.) имеет полный эквивалент в БЯ – *виновен е стрелочникът*.

От общего числа ФЕ с жд компонентом тех, которые по своей структуре представляют словосочетания, значительно больше по сравнению с теми, которые равнозначны по своему строению предложению (итого 8 единиц: 4 русские – *поезд ушёл, не будь умнее паровоза, весь пар уходит в гудок, стрелочник виноват*, и 4 болгарские – *за всеки влак си има пътници, кой ще кара влака, цялата пара отива в свирката, виновен е стрелочникът*). Словосочетания же со своей стороны, за одним исключением (*вагон и маленькая тележка*), относятся к сочетаниям глагола с существительным или существительным с прилагательным (рус. *давать/дать зелёную улицу*; болг. *изпускам/да изпусна влака* и др.), глагола с предложно-падежной группой (рус. *бежать впереди*

паровоза, сходить/сойти с рельсов, спустить на тормозах и др.; болг. *бутам/да бутна в глух коловоз*) или глагола с подчинительными союзами «как» в РЯ и «като» в БЯ в сравнительных конструкциях (рус. *переть как паровоз*; болг. *гледам като теле в железница* и др.).

Анализ системных отношений выявил отсутствие многозначности в исследованном корпусе, за одним исключением: болгарская ФЕ *излизам/да изляза от релсите* имеет два значения: 1. Утрачивать привычное состояние, душевный мир. 2. Изменить своё поведение в плохую сторону (Ср. *сбиваться/сбиться с пути*). Полученные данные показывают широкое (более чем у половины русских и болгарских ФЕ) распространение вариантности (рус. *ставить/поставить в тупик, переводить/перевести на рельсы* и др.; болг. *изваждам/да извадя от релси, кой кара влака/кой ще кара влака* и др.). Антонимические отношения не характерны для корпуса исследования – выявлены по одной антонимической паре в РЯ (рус. *заходить/зайти в тупик – выходить/выйти из тупика*) и в БЯ (*влизам/да вляза в релси – излизам/да изляза от релси*). Синонимы, в т.ч. стилистические, имеют примерно 20% ФЕ: рус. *заскочить в уходящий поезд* и *заскочить в последний вагон уходящего поезда*; *давать/дать зелёную улицу* и *открывать/открыть зелёную улицу* и др.; болг. *пращам/да пратя в глух коловоз* (разг.) и *бутам/да бутна в глух коловоз* (прост.); *да изпусна влака* (разг.) и *да изтърва влака* (прост.) и др.

В связи с последним следует отметить наличие среди рассмотренных единиц таких, которые имеют вне корпуса исследования «дублетные фразеологические обороты синонимического характера» (термин Н.М. Шанского), связанные с ними как производящие и производные [19, с.51]. Дело в том, что некоторые компоненты во ФЕ, находившихся в обиходе до появления железных дорог, подверглись замене на новые, отвечающие в большей степени современным понятиям. Так, например, болгарский фразеологизм *вкарвам/да вкарам в релси*, вероятно, образовался на основе другого, существовавшего до него, – *вкарвам/да вкарам в коловоз* (*коловоз* – «канавка, углубление от колёс на дороге, колея»). Кстати, ФЕ с жд компонентом «релси» имеет только положительную коннотацию (Ср. «направить в нужную

колею»), а вторая, синонимическая ей, отличается амбивалентностью – имеет ту же положительную коннотацию, но ввиду того, что слово *коловоз* в БЯ, также как и слово *колея* в РЯ, ассоциируется с общеизвестным банальным способом действия или образом жизни (Ср. *избитая, наезженная, протоптанная, проторённая колея*), то выражение употребляется также и с негативной коннотацией. Точно также ФЕ *излизам/да изляза от релси* имеет только отрицательный оттенок значения в отличие от другого, родственного ему, *излизам/да изляза от коловоза*, отличающегося амбивалентной характеристикой (Ср. *сходить/сойти с <наезженной> колеи*).

Почти все русские и болгарские ФЕ с жд компонентом – разговорные или просторечные. Книжные фразеологизмы встречаются крайне редко – *переводить/перевести на рельсы* (книж. офиц.) – *поставям/да поставя на релси* и *становиться/стать на рельсы* (публ.), а межстилевые (нейтральные) не зарегистрированы.

3. Заключение

ФЕ с жд компонентом представляют немногочисленные группы как в РЯ, так и в БЯ. Корпус исследования составили 38 единиц – 21 русская и 17 болгарских, содержащих в каждом из языков по 9 жд компонентов.

Полное совпадение – формальное и семантическое, наблюдается лишь в 5 парах. В 3 парах обнаруживается совпадение ФЗ и образной (железнодорожной) составляющей, но есть разница в компонентном составе. В одной паре наблюдается формальное совпадение, но значения расходятся. Остальные ФЕ – 12 русских и 8 болгарских, не имеют эквивалентов с жд компонентом, соответственно, в БЯ и РЯ. Из них 5 ФЕ (3 русские и 2 болгарские) имеют неполные соответствия в другом языке – ФЗ совпадает, однако вместо железнодорожного употребляется другой (дорожный/автодорожный) компонент (Ср. болг. *релси* – рус. *колея* (дорожная), рус. *тупик* (тупиковый путь) – болг. *задънена улица*).

Несмотря на перечисленные различия, можно сделать вывод, что между русскими и болгарскими ФЕ с жд компонентом много общего на уровне образных моделей. Это объясняется сходством культурно-дискурсивного пространства двух народов (общим происхождением, близкими языковыми контактами вплоть до начала

90-ых годов XX века, важной ролью железных дорог в экономическом развитии двух стран), что повлияло на формирование схожих стереотипов восприятия объектов и процессов из области железнодорожного транспорта (*уходящий поезд* – упущенная возможность, *вагон* – большое количество, *рельсы* – привычный ход жизни, *зелёная улица* – отсутствие препятствий на пути и пр.).

Различия же обусловлены сложностью и многогранностью понятий, обозначаемых соответствующей железнодорожной лексикой, и выбором отдельных их характеристик в качестве основы для метафорического переноса. Например, как в РЯ, так и в БЯ *паровоз* при образовании ФЕ *НЫХТЕТЬ КАК ПАРОВОЗ И ПУФТЯ КАТО ПАРЕН ЛОКОМОТИВ* ассоциируется с шумом, издаваемым при его движении. Но русскими выделяются также такие его характеристики как мощность, движение во главе поезда и сложность управления, послужившие основой для образования ФЕ: *переть как паровоз, бежать впереди паровоза, не будь умнее паровоза*.

Влияние оказывает также специфика мировидения носителей двух национальных языков, лингвокультурные различия в восприятии окружающего мира, порождающие своеобразие метафорического моделирования. Например, болгарами управление поездом ассоциируется с выполнением руководящих функций, а простой на тупиковом пути – с отсутствием перспектив развития.

Результаты исследования ФЕ с жд компонентом могут найти применение в переводческой деятельности, а также в обучении студентов.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. стереотип. / О.С. Ахманова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 576 с.
2. Български тълковен речник. – София: Наука и изкуство, 2016. – 1094 с.
3. Българските фрази и изрази, <https://frazite.com/>
4. Виноградов, В. В. Русский язык: (Граммат. учение о слове): [Учеб. пособие для высш. учеб. заведений]. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
5. Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

6. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1989. – 383 с.
7. Кошелев А., Леонидова М. Българско-руски фразеологичен речник. – София: Наука и изкуство, 1974. – 640 с.
8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Российский гос. ун-т, 1995. – С. 149–238.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1995. – 928 с.
10. Русский биржевой жаргон, <https://2stocks.ru/2.0/dictionary/fenya>
11. Руско-български фразеологичен речник. – Андрейчина К., Влахов С., Димитрова С. – София: Наука и изкуство, 1980. – 582 с.
12. Современный русский литературный язык: Учеб. для филол. спец. пед. ин-тов / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др.; Под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
13. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 1 – 4.
14. Тълковен речник на българския език, <http://talkoven.onlinerechnik.com>
15. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник. 4-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.
16. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – Изд. 5-е. – СПб: Вариант, 1994. – 544 с.
17. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т. / Сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1 – 2.
18. Фразеологический словарь русского литературного языка, <https://www.litrichal.ru/slovari/rusphrase/p3/>
19. Шанский Н.М. Фразеология современного русского литературного языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
20. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – 336 с.

Ангелова Ганна Вадимовна
доктор филологии, гл. ассистент
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: av_angelova@abv.bg

Angelova Ganna Vadimovna
Chief Assist., Ph.D.
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: av_angelova@abv.bg

Г.В. Ангелова

**ПО ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННОГО
ТРАВЯНИСТОГО РАСТЕНИЯ ТАТАРНИК КОЛЮЧИЙ
(ONOPORDON ACANTHIUM L.) В РУССКОМ И
БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается происхождение наименований растения татарник колючий (болг. гингер) (*Onopordon acanthium* L.), входящего в тематическую группу «Лекарственные травянистые растения семейства Сложноцветные» на основании принципа номинации по характерным, «специфическим» и функциональным признакам фитонима, способы образования этих наименований, а также выделяются модели номинативных рядов в системе русского и болгарского языков.

Ключевые слова: фитоним, номинативный ряд, способ номинации, русский язык, болгарский язык

G.V. Angelova

**ON THE MATTER OF NOMINATION MEDICAL HERBACEOUS
PLANT ONOPORDON ACANTHIUM L. IN RUSSIAN AND
BULGARIAN LANGUAGES**

Abstract. This is a study on the origin of plant name of prickly pear (*Onopordon acanthium* L.), part of the group "Medical herbaceous plants of the Semicolored family" based on the principal of nomination. Depending on their typical specific and functional features of the phytonym, as well as the way these names were formed, which makes the differences in the nomination principles in the Russian and the Bulgarian language stand out.

Keywords: phytonym, nominative row, method of nomination, Russian, Bulgarian

Номинация как процесс обозначения начинается с выделения отличительных признаков обозначаемого объекта действительности, отраженного в сущности самого наименования и осуществляется на основе принципа наименования по отличительным свойствам.

Изучение номинативных рядов, их сопоставление, анализ общих и различительных признаков позволяет всесторонне рассмотреть процесс наименования, с помощью которого было создано определенное слово.

Целью данного исследования является изучение номинативных рядов, включающих наименования, отражающие различные свойства лекарственного травянистого растения **татарник колючий (болг. гингер)**, определение мотивировочных признаков и принципов, заложенных в основу этих наименований, а так же способов образования номинации растительной реалии в системе двух языков.

Латинское имя: *Onopordon acanthium L.*

из семейства Compositae (семейство Сложноцветные).

Наименования в русском языке: бодяк, будяк, жабра трава, жабья трава, колючник, онопордум колючий, осот, репей, репейник, репях, татарка, татарник обыкновенный, чертополох.

Наименования в болгарском языке: бодил, бодливо тръне, гингер, главесто трънье, камилско тръни, магарешки бодил, магарешки будил, магарешки трън, магарешко тръне.

Татарник колючий (болг. гингер) – двулетнее травянистое колючее растение из семейства Сложноцветных (Compositae) высотой от 1,5 до 2 метров. Стебель прямостоячий, ветвистый, опушенный. Листья продолговато-овальной формы, жесткие, кожистые, с длинными крепкими колючками по краю. Цветки лилово-пурпурные собраны в овально-шаровидные крупные корзинки. Цветет с июня до сентября, плоды созревают в июле. Растение неприхотливо, встречается повсеместно: не только близ жилья, но и у дорог, на пустырях, пастбищах или склонах в степи.

Колючие растения, произрастающие повсюду, обрызуют непроходимые заросли, поэтому они часто вызывают досаду, раздражение и неприязнь. Логично думать, что негативное отношение к данному растению отразилось в устойчивых выражениях, поговорках болгарского языка: «Стоя (седа) като на бодли. Неспокоен съм, в неудобно положение съм, в очакване съм на нещо неприятно» [6, с. 986], «Трънче в петата на някого. Нещо, което силно безпокои, мъчи, притеснява някого» [21, с. 410].

В русском языке колючкой именуют злого, насмешливого, ехидного, колющего речами человека (17, с. 219), о котором говорят: «Онъ ложкою кормить, а стеблемъ (череномъ) въ глазъ колеть. Словами, что листьемъ стелеть, а дньлами, что иглами колеть» [8, с. 142].

Следует отметить, что В. Даль фиксируя наименования **бодяк**, **будяк** [7, с. 106], ставит вопросы, предполагая, что номинация образована или «отъ будинка, строение, какъ растущій у жилья?», или «отъ бодень, колючка?» [7, с. 106].

Логично думать, что так как татарник колючий – неприхотливый, широко распространенный сорняк, практически весь покрытый колючками, то, вероятно, в основу номинации бодяк, будяк в русском языке положен именно этот мотивировочный признак, указывающий на наличие бодней (длинных колючек) [7, с. 106] от бодать «итератив к бости > *bodti, являющемуся общеславянским глаголом и.-е. характера: др.-рус. бости, укр. бості (Гринченко); бел. басці, польск. bóśc, bodać, bodnąć, ст.-чеш. bósti «колоть, жалить, бодать», чешск. bodati, būsti, словацк. bodat', «колоть, жалить, бодать»; каш. bodac, bósc, bouse, в.-луж. bosé, ст.-сл. БОСТН, болг. бодá «колоть; бодать; язвить», с.-х. бости «колоть, бодать», бадати «колоть, покалывать; колоть, язвить» и др. Первоначальное значение - 'колоть, ударять' » [23, с. 151].

Кроме того, наименование будяк имеет следующие значения: 1) некоторые виды растения *Cirsium*, сем. Сложноцветных, бодяка; 2) растение *Cnicus Gaerth*, сем. Сложноцветных; бенедикт; 3) растение *Carlina vulgaris* L., сем. Сложноцветных; колючник обыкновенный; 4) растение *Lychnis dioica*, сем. Повойничковых; лихнис; 5) сорная трава; 6) трава [15, с. 249].

Номинация **колючник** [11, с. 905] в русском языке, вероятно, также акцентирует внимание на вышеуказанный признак, т.к. общеславянское индоевропейского характера колоть «восходит к *kolti – «колоть» и «бить, ударять», пережившему у восточных славян изменение ol в оло. Основа общеславянского глагола отчетливо выступает в лит. kàlti, kalù – «ударять молотом, ковать», латышск. kalt – «ковать» [22, с. 157].

Кроме того, лексема колючник является: 1) общим названием колючих растений из семейства Сложноцветных (*Carlina* и др.), а также именуется: 2) растение *Geum rivale* L., сем. Розанных; гравилат прибрежный; 3) растение *Lycopsis arvensis* L.; сем. Бурачниковых; кривоцвет полевой [17, с. 220].

По-видимому, в русском языке названия **татарник колючий**, **татарник обыкновенный**, **татарка** [11, с. 905], образованные от этнонима татарин, «заимств. из тат., чагат., тур. tatar, др.-тюрк. tatar – название жителей страны на севере Китая, чув. todar, tudar ‘татарин’, ср. монг. tatarı» [20, с. 27], указывают на отношение к подобному растению. Можно думать, что в народной памяти этот этноним ассоциировался с монголо – татарским нашествием на Русь, после которого города и села превратились в безлюдные развалины, заросшие сорной травой.

Вероятно, в данном случае акцентируется внимание не на конкретные особенности, характерные определенному этносу, например, болг. кадънка [1, с. 9], а на «негативное отношение к этому этносу» [10, с. 110].

Следует отметить, что наименование татарник является названием «разных колючих, сорных травъ, *Carduus*, *Cirsium* и пр.» [9, с. 392], принадлежащих к семейству Сложноцветные.

Кроме того, лексемой татарка обозначаются омонимы: 1) «нагайка, короткая, толстая плеть» [9, с. 392]; 2) «порода лошадей» [19, 221], поскольку, как известно, два и более разных по значению слова, совпадающих в написании, произношении и грамматическом оформлении называются лексическими омонимами.

Следует отметить, что вследствие неясности мотивации заимствованные наименования подвергаются различного рода трансформациям. Так, наименование **онопордум колючий** [11, с. 905] в русском языке представляет собой преобразование из латинского языка (лат. *Onopordon acanthium* L.).

Можно думать, что наименование **бодил** [5, с. 222] в болгарском языке в значении ‘растение с остри игловидни шипове’ [14, с. 73] образовано от «бодà, бодвам, бодна ‘допирам с остро, мушкам’; стб. БОСТН, БОДЖ (Супр., Ман. хр.) [3, с. 61] связано с «срхр. бодсти, бодём, словен. bósti, bódem, рус. бодать,

бодáю, чеш. *bŭsti, bodu*, пол. *bość, bodę*, гор.луж. *bosé, bodu*. – Ие. **bhod-*, **bhōd-*” [там же].

По-видимому, мотивом вышеуказанного наименования растения в болгарском языке послужил тот же отличительный признак внешнего вида листьев татарника, усеянных острыми колючками. Кроме того, лексема бодил в болгарском языке является общим обозначением, связывающим различные виды колючих растений: 1) магарешки бодил или магарешки трън, лат. *Carduus acanthoides, Carduus nutans* и мн. др.; 2) паламида, лат. *Cirsium lanceolatum, C. arvense* и др.; 3) решетка, лат. *Carlina acanthifolia, C. vulgaris* и под.; 4) бутрак, казашки бодил, лат. *Xanthium spinosum, X. strumarium* и др. [13, с. 184].

Кроме того, сами по себе наименования: **магарешки бодил (магарешки будил)** [5, с. 222] в болгарском языке, вероятно, являются обобщением, связывающим различные виды колючих растений семейства Сложноцветные. Так, например, наименование магарешки бодил имеет значение: 1) бодлив бурен, който служи за храна на магарета, *Onopordon acanthium*; 2) *Carduus nutans*; 3) *Carduus candicans*; 3) *Cirsicum afrum* [4, с. 599].

С. Младенов в «Етимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ» объясняет наименование слова трънь «отъ кор. и.-е. *tr - бода, тегля» [12, с. 640]. Можно думать, что в основу номинации болгарского языка **бодливо тръне, магарешки трън, магарешко тръне** [5, с. 222] прежде всего лег характерный признак - колючесть растения.

Кроме того, в семантической структуре исследуемого фитонима наблюдается отношение подобия, представлен «специфический признак» (по сходству) с другими травянистыми, колючими растениями. Так, наименованием магарешки трън обозначают не только *Onopordon acanthium* (татарник колючий), но и целый ряд других видов растений семейства Сложноцветные: 1) раст. *Xanthium spinosum*; 2) раст. *Carduus nutans* [4, с. 599], а наименованием магарешко тръне именуют: 1) раст. *Carduus candicans*; 2) раст. *Carduus nutans*; 3) раст. *Echinops* [4, с. 599].

Вероятно, номинации в болгарском языке **магарешки трън, магарешко тръне, камилско тръни и гингер** [5, с. 222] «от тур.

диал. ginger ‘камилски трън’ (верблюжья колючка) [3, с. 243] акцентируют внимание не только на морфологический признак: наличие колючих отростков у растения, но и на любителей данного растения – парнокопытных животных (ослов и верблюдов), питающихся травянистой и кустарниковой растительностью, в том числе и татарником колючим.

Кроме того, форма цветков растения татарник колючий, собранных в шарообразные корзинки шириной 3-5 см, визуально напоминающая головы, расположенные на верхушке стебля и боковых побегах, легла в основу наименования **главесто търње** [5, с. 222]. Поэтому, возможно, вышеуказанное наименование реализовано в болгарском языке посредством переносного употребления.

Наименование **осот** [11, с. 905] в русском языке, по-видимому, указывает на внешнее сходство татарника колючего (болг. гингер) с сорными, колючими растениями «разн. видовъ, даже родовъ: Carduus, Cirsium, Sonchus» [7, с. 702]. Наименование **чертополох** [11, с. 905] – с разными видами «Cirsium и Carduus» [9, с. 598], а наименования **репейник, репей, репях** [11, с. 905] - с растениями «съ колючими головками, но болѣ Lappa tomentosa» [9, с. 92], т.е. с видом рода Лопух (Arctium), относящегося как и растения осот и чертополох, к одному семейству - семейству Сложноцветные (Compositae).

Логично думать, что в народных наименованиях ряда растительных реалий естественным путем для обобщения может служить не только внешнее сходство, но и их функциональное применение, т.е. вышеуказанные наименования являются общими, связывающими разные растения по их отличительным, а также функциональным признакам.

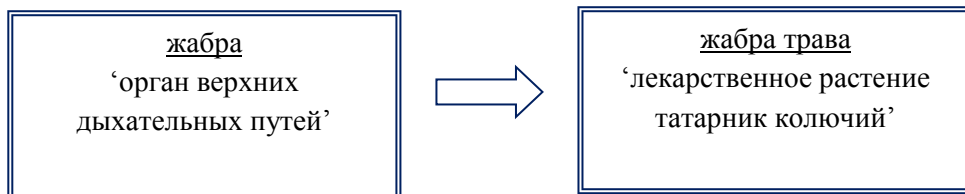
Интересно отметить, что колючие растения чаще применялись в качестве оберегов от нечистой силы и болезней, т.к. считалось, что они обладают охранительными и лечебными свойствами. Так, с целью защиты ворот, двери, окна дома и хлева обвязывали подобными растениями. Колючими травами в основном лечили заболевания симптомом которых была «кóлоть ‘колющая боль’ » [17, с. 189], например, грипп с сильной головной болью, болью в

мышцах, ломотой в теле или летучий ревматизм [17, с. 190], проявляющийся после перенесенного ЛОР-заболевания, поражающий опорно-двигательный аппарат и сопровождающийся острыми болями.

До настоящего времени целебное сырье татарника колючего, как и подобных ему растений, применяют внутрь при воспалительных заболеваниях мочевого пузыря и мочевыводящей системы, бронхите, бронхиальной астме, простуде и др. Наружно используют при гнойных ранах, язвах, фурункулах. В Болгарии отвар трав, рекомендуют при кашле, при кожных заболеваниях, злокачественных опухолях.

Так, наименование **жабра трава** [2, с. 232] в русском языке образовано от общеславянского жабра: «укр. жабра, бел. жабыры, жебры, польск. skrzel, чешск. žábra, словац. žiabre, в.-луж. žabra, болг. жабри, макед. жабра» [24, с. 271]. Считается, что его этимология неясна. «Наиболее вероятным представляется объяснение этого слова как суффиксального производного (суф. -г-) от той же основы, что и диал. жаба ‘рот, горло’ (см. жаба ‘ангина, грудная жаба’), родственной н.-в.-нем. kiefer ‘челюсть’, авест. zafarə ‘рот, пасть’ [там же]. Вероятно, в данном случае акцентируется внимание на заболевание органов верхних дыхательных путей.

Схематично это можно представить следующим образом:

Известно, что в народной культуре причинами болезней считались воздействия демонических существ, нечистой силы, ведьм, колдунов, насылающих различные заболевания с помощью пресмыкающихся, земноводных или насекомых (ящериц, змей, жаб и др.).

Следует отметить, что наименование жаба в значении ‘заболевание’ общепринятой этимологии не имеет. Существуют

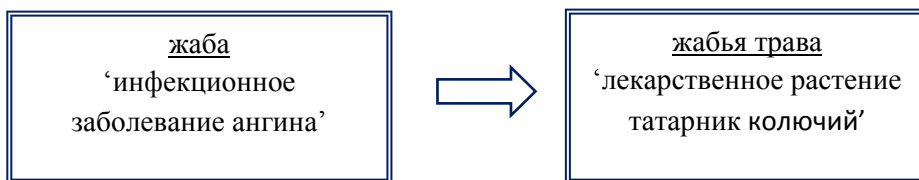
различные точки зрения, например, «Махек (Studie, 123) считает, что такое название болезнь получила потому, что в народном поверии жаба представлялась ведьмой, насылающей эту болезнь» [24, с. 271]. В Словаре русских народных говоров отмечается, что «жаба – болезнь, которую напускают, наводят; порча» [16, с. 49]. Другие предполагают, что «болезнь была названа по пораженному ею органу (ср. диал. жаба ‘рот, зев, горло, глотка’) [24, с. 271], с чем нельзя не согласиться, зная о целебных свойствах растения.

Так, например, жабицей в русском языке именуют: болезнь горла, а жабкой - воспаление языка и слизистой оболочки рта, а также воспаление желез [16, с. 50].

Кроме того, метод лечения воспаления языка и слизистой оболочки рта в народе называли «колоть жабку» [17, с. 189].

Логично думать, что наименование **жабья трава** [11, с. 905] в русском языке, образовано от инфекционного заболевания, именуемого жаба, или ангина (болг. ангина) (от лат. *angina* - удушье), проявляющегося «в воспалении небных миндалин и слизистой оболочки зева» [18, с. 20], при лечении которого использовались отвары из сушеных листьев или цветочных корзинок лекарственного растения татарник колючий.

Схематично это можно представить так:

Таким образом, можно сделать следующие выводы: модели номинативных рядов для обозначения травянистого растения татарник колючий (болг. гингер) представляет собой неоднородную структуру, в которой языковое выражение получили следующие мотивировочные признаки (Рис. 1, 2).

Рис. 1.

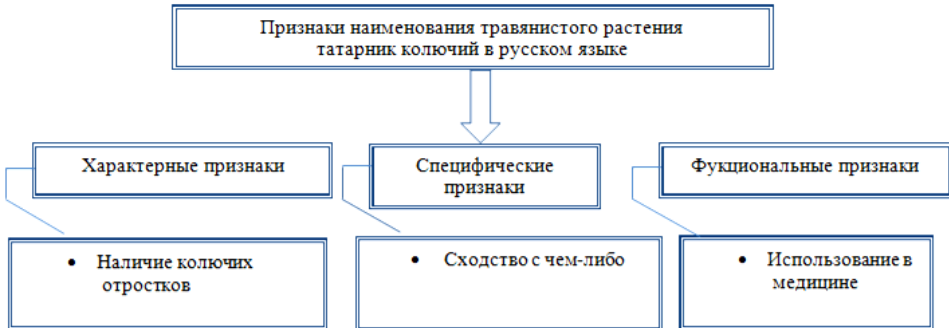

Рис. 2.

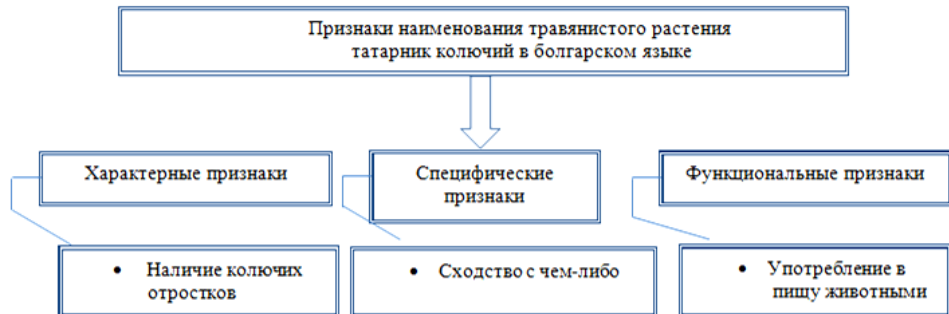

Рис. 1, 2. Обобщенные ономазиологические признаки татарника колючего (болг. гингер) в русском и болгарском языках.

Как показывают материалы исследования, в ряду номинаций для обозначения татарника колючего (болг. гингер) в русском языке к определяющим признакам можно отнести: характерные, «специфические» и функциональные, т.к. данные признаки служат опорной базой для наименования лекарственных растений и связаны с их предназначением. В связи с этим, функциональные признаки в русском языке выделяются на основе конкретных заболеваний (русс. жабья трава) и определенных внутренних органов (русс. жабра трава). В болгарском языке к определяющим признакам относятся: характерные и «специфические» признаки. Признаки, связанные с функциональным предназначением - практическим применением лекарственного растения в предметной деятельности человека (в народной медицине), не нашли достаточного отражения.

Одним из продуктивных способов образования анализируемых признаков номинации растения татарник колючий является метафорический перенос. Есть основание предполагать, что данное внутриязыковое явление (перенос наименования), осуществленное на основе метафоры, привело к возникновению полисемии (русск. татарник; болг. магарешки бодил), а затем в процессе исторического развития словаря, в результате расхождения значений многозначного слова слова, - к лексической омонимии (русск. татарка).

Библиографический список

1. Ангелова 2018: Ангелова, А.В. Особенности номинации растения белокопытник лекарственный (*Petasites officinalis* Moench.) в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. София: Дружество на русистите в България, 2018, №2.
2. Анненков 1878: Анненков, Н.И. Ботанический словарь. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1878.
3. БЕР 1971: Български етимологичен речник. Съставители: В.И. Георгиев и др. Т. I. София: БАН, 1971.
4. БЕР 1986: Български етимологичен речник. Съставители: В.И. Георгиев и др. Т. III. София: БАН, 1986.
5. БотР 1939: Материали за български ботаничен речник. Събрани от Б. Давидов и А. Явашев, допълн. и ред. от Б. Ахтаров. София: Придворна печатница, 1939.
6. БТР 2008: Български тълковен речник. Авторы: Л. Андрейчин и др. София: Наука и изкуство, 2008.
7. Даль 1955: Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
8. Даль 1955: Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
9. Даль 1955: Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
10. Колосова 2009: Колосова, В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Москва: Индрик, 2009.
11. Мазнев 2006: Мазнев, Н.И. Основные лекарственные растения. Справочное издание. Москва: ООО ИКТЦ «Лада», 2006.

12. Младенов 1941: Младенов Ст. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София: Книгоиздателство Христо Г. Данов – О.О. Д-во, 1941.
13. Младенов 1951: Младенов Ст. Български тълковен речник с оглед към народните говори. София: Печ. Д. Стефанов, 1951.
14. РСБКЕ 1955: Речник на съвременния български книжовен език. Гл. редактор Ст. Романски. Т. I. София: БАН, 1955.
15. СРНГ 1968: Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 3. Ленинград: Наука, 1968.
16. СРНГ 1972: Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 9. Ленинград: Наука, 1972.
17. СРНГ 1978: Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 14. Ленинград: Наука, 1978.
18. СТСРЯ 2007: Современный толковый словарь русского языка. Гл. редактор С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2007.
19. СРЯ 2011: Словарь русского языка XI-XVII вв. Гл. редактор В.Б. Крысько. Выпуск 29. Москва: Наука, Азбуковник, 2011.
20. Фасмер 1973: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. Москва: Прогресс, 1973.
21. ФРБЕ 1975: Фразеологичен речник на българския език. Авторы: К. Ничева и др. Т. II. София: БАН, 1975.
22. Шанский, Иванова, Шанская 1961: Шанский, Н.М., Иванова, В.В., Шанская, Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Под ред. С.Г. Бархударова. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1961.
23. ЭСРЯ 1965: Этимологический словарь русского языка. Автор-составитель Н.М. Шанский. Т. I. Выпуск 2. Москва: Издательство МУ, 1965.
24. ЭСРЯ 1973: Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н.М. Шанского. Т. I. Выпуск 5. Москва: Издательство МУ, 1973.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Безруков Андрей Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент
Башкирский государственный
университет, Бирский филиал
Россия, г. Бирск
e-mail: in_text@mail.ru

Bezrukov Andrey Nikolaevich
Ass. Professor, Ph.D.
Bashkir State University, Branch in
Birsk
Russia, Birsk
e-mail: in_text@mail.ru

А.Н. Безруков
**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ФРАКТАЛ
СМЫСЛОВЫХ КООРДИНАТ**

Аннотация: В статье предпринята попытка рецептивной оценки литературно-художественного дискурса. Анализ семиотической природы письма осуществлен в рамках структурализма, конструктивизма, компаративизма. Новизна исследования заключается в том, что художественный дискурс представлен множественной структурой, генерирующей смысловые магистрали. В работе отмечена гибкость звеньевоего состава дискурса, обозначена иерархия его блоков и наличных языковых структур. Теоретические исследования Р. Барта, Х.-Г. Гадамера, А.-Ж. Греймаса, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Б. Мандельброта, П. Рикёра, М. Фуко являются базисом верификации указанной проблемы. Рецепция художественного дискурса в данном ключе, на наш взгляд, позволяет наметить стратификацию герменевтического чтения, а также выйти к желаемым пределам дисперсии смысловых координат.

Ключевые слова: дискурс, смысл, текст, структурализм, автор, рецептивная эстетика, читатель

A.N. Bezrukov
**LITERARY DISCOURSE AS FRACTAL OF SEMANTIC
COORDINATES**

Abstract: The article makes an attempt at a receptive assessment of literary discourse. The analysis of the semiotic nature of writing is carried out within the framework of structuralism, constructivism and comparativeness. The novelty of the research lies in the fact that the literary discourse is represented by a multiple structure that generates the semantic lines. In article flexibility of the link structure of the discourse is noted, the hierarchy of blocks and the existing language structures are indicated. Theoretical studies R. Bart, H.-G. Gadamer, A.-J. Greimas, J. Derrida, Yu. Kisteva, B. Mandelbrot, P. Ricoeur, M. Foucault are the basis for the verification of this problem.

The reception of artistic discourse in this layout of inferences allows outlining the stratification of reading and predicting the limits of semantic dispersion.

Keywords: discourse, significance, text, structuralism, author, receptive of aesthetics, reader

Категориальное значение понятия «дискурс» в научной среде последнее время все чаще становится максимально расширенным и субъективно-дробным. Вероятно, это связано с тем, что лингвистика текста допускает ряд противоречивых крайностей в едином методологическом потоке. Некий эксперимент такой синтетической оценки языковых понятий имеет свою историю, частотен, ибо колебание крайностей может высветить в финале истинный смысл или приблизить исследователя к вероятностной модели объективации частного лингвистического вопроса. Не поддается дешифровке пока именно дискурс, в отличие от языка, речи. Именно, дискурсивная практика письма нацелена как на фиксацию буквально сказанного, так и потенциальную пролонгацию подразумеваемого. Дискурс становится базисом формируемого диалога, обмена мнений, точкой художественного преобразования действительности. На наш взгляд, проблема рецептивной оценки дискурса достаточно актуальна и нова, даже при большом количестве исследований подобного рода.

Следует заметить, исходя из имеющихся источников, что дискурс есть не только языковой продукт, объективная форма, он условие пролонгации желаемого диалога с потенциальным слушателем/читателем. Подобная установка, в первую очередь, важна и существенна для литературы, ибо писатель создает посредством языка условия контакта с идеальным реципиентом. Готовый текст, или литературное произведение исторически, социально ориентировано на онтологию своего существования. Метафизика литературного труда, его природа, в свою очередь, сорганизует потенциальность фракталов, множественность изводов конкретизации смыслов. Произведение не говорит буквально, вторичность – **двойной код** – поэтика языковых структур фиксируются дискурсивной игрой в наличности. Новый толчок в оценке дискурса, а само понятие предположительно возникает еще в античности, может быть дан с подачи теоретических исследований Х.-Г. Гадамера, А.-Ж. Греймаса, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Б.

Мальденброта, П. Рикёра. Собственно структуралисты, а далее постструктуралисты и деконструктивисты, обозначили фактурность дискурсивной практики. Мнения указанных теоретиков разнятся на основании того, что объективировать дискурс не касаясь языка – практически невозможно. Исследователь, сознательно или бессознательно, включает в методологию оценки язык как систему, язык как фазис блокировки естества. Абстракция языка позволяет, таким образом, принципиально говорить и о дискурсе, о факторах дискурсивных практик, о литературно-художественном дискурсе, ибо он существенно отличен от ряда других номинативных (ситуативных) типов.

Вероятно, что самостоятельность литературно-художественного дискурса и его принципиальное отличие от собственно нормированного языка заключается в том, что дискурс по своей природе организации лакунарен, свободен и чист для вмешательства извне; он как бы а-системен, а-вероятен, неатрибутивен. Потенциал дискурса заключается в свободной динамике становления и развития. Следуя терминологии Бенуа Мандельброта, можно усилить данный тезис ориентиром на сукколяционный фрактал оценки дискурсивной практики, которая «содержит «почти» достаточное количество нитей (текстуры), необходимых для осуществления перколяции» [6, с. 428], просачивания основного, фильтрации важного и существенного ситуативно. Только предпосылка наличного срабатывает в данном случае, далее – идет разверстка смыслового и коннотативного.

Потенциальный читатель, сориентированный писателем на, как вариант, **наррацию**, повествование, условность, **образность** и перспекцию сюжета, разрешение художественной коллизии находит в асистемности дискурса узловые моменты предположения его рецепции. Указанная квазинорма дискурсивной практики письма определяет новый подход в оценке точечных фиксаций, манифестированных, как это логично следует далее, **текстом**. Соответственно, цель данной работы заключается в том, чтобы сферично рассмотреть указанную в заголовке категорию, а также представить ряд оценочных, концептуально-мотивированных суждений верификации дискурса как диссипативной системы.

Внутренняя организация дискурсивной практики письма практически всегда ориентирована на включение в актив большего объема потенциальных реципиентов. Онтологически процесс динамики интересен более, нежели стагнация формы как таковой. Необходимо вспомнить, что так или иначе дискурс обретает свои условные контуры, будучи зафиксированным. Следовательно, потребление дискурс для читателя становится процедурой дешифровки *авторского знака*, который и стабилен, жесток, и, порой, сверх однозначен. Как отмечал Ролан Барт, «в нашей мифологии восприятие жестокости находится во власти того же предрассудка, что и восприятие искусства и литературы: им всегда приписывается функция выражения внутреннего, скрытого, природы, которой жестокость будто бы служит первичным, диким и бессистемным языком; мы, конечно, признаем, что можно направить жестокость на некие обдуманые цели, сделать ее орудием мысли, но все равно для нас речь идет лишь о том, чтобы приручить некую первичную изначально самобытную силу» [1, с. 133]. Саморазрушаясь, дискурсивная практика доводит до абсолюта и совершенства языковой, наличный строй, но апелляция при этом к опыту читателя есть необходимое условие, или даже самоцель, так как смысловая нагрузка первична для дискурса нежели для языка. Конфигурируя знаки предметной области, писатель складывает мозаику множественности смысловых координат.

Намеченная нами структура значения, безусловно, проявляется в акте коммуникации, или в процессе считывания информационной, художественной сущности текста. Коммуникация, одновременно с этим правильное восприятие произведения могут быть объединены условиями манифестации/декларативности, преломления/трансформации, синтеза означающего и означаемого. При этом следует учесть, что принять одно без другого онтологически невозможно, они как бы зациклены друг на друге, ибо дискурс рассеивает спектр коннотаций, позволяет реципиенту высветить нужный именно «для себя» извод конкретики мысли. По данному показателю он и дистанцируется от собственной речи. «Смысл, выявляемый фонологическими оппозициями, входящими в состав более масштабных единиц, в целом является только

негативным, т.е. всего лишь возможностью смысла» [3, с. 43]. В данном тезисе следует усматривать более сложную оценку дискурса, вновь повторимся, ориентированную на фрактал.

Имеющийся внутренний потенциал дискурсивной практики также создает условия стабилизации ее множественности. Данный факт уже традиционно получил название интересубъективности. «Структура интересубъективных отношений выстраивается с помощью системы взаимно пересекающихся перспектив говорящих, слушающих и на данный момент посторонних... эта позиция участников осуществляемой с помощью вербальных средств интеракции позволяет субъекту отказаться от пресловутой объективирующей позиции... и выработать совершенно иное отношение к самому себе» [10, с. 307-308]. Позиционная рамка такого диалога реверсивно обращает речевую деятельность к первооснове, не частной позиции, но бессознательному и трансцендентно открытому. Следовательно, иерархия зависимостей начинает видоизменяться, приращение и дифракция смысла определит дальнейший ход ее развития, «система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое описание становится непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы. Переход через бифуркацию – такой же случайный процесс...» [7, с. 236-237]. Темпоральный характер дискурса при этом утрачивается, но общая логика, подвластная логике ведения авторской мысли или художественного события, остается в поле зрения **реципиента**, она может быть реконструирована деталями и подробностями. Таким образом, получает свое подтверждение текстурность, лакунарность, сукколярность потенциальная множественность дискурсивной практики.

Неустойчивый характер дискурса говорит, в первую очередь о том, что в ходе смысловых сбивов рождается иное, новое представление о нем как действенном механизме. Следовательно, срабатывают так называемые перспективные **модусы** рецепции дискурса. На наш взгляд, это еще одно из вероятных условий пролонгации множественности смысловых магистралей. При этом следует отметить, что практически любой литературно-

художественный текст вариативен в прочтениях, инвариант касается только языковой структуры, подвижки же коннотаций генерируются читателем с подачи поэтической метафоры. Выражение, по мысли Жака Деррида, вслед за Эдмундом Гуссерлем, есть «знак, насыщенный значением» [4, с. 47]. Языковая плоскость слишком буквальна и конкретна, или номинативна, но именно она позволяет манифестировать объективное, понятное читателю/реципиенту. «Выражение – это экстерииоризация. Оно сообщает некоторую наружность смыслу, который является первым основанием некоей внутренней стороны» [4, с. 47]. Проговоренный авторский текст идеален сочетанием буквальностей. Интерес исследователя заключается в уточнении и конкретизации специфики частного, индивидуального. В связи с этим уместно введение категории «стиль», который является доминантой субъективного. Однако стиль не есть дискурс, стиль не есть тем более язык. Стиль – это особый тип мышления, особый механизм сложения мыслей в связные, логически выверенные структуры. Работая над текстом произведения, автор условно популяризирует себя-говорящего, одновременно с этим и соизмеряет собственную речь с уже когда-то сказанным не им. Некое единение, выход к типичному, уловимому лишь индивидуально, создает эффект шедевральности текста, его неповторимости и уникальности. Художественная система допускает при этом вероятный фон мимезиса (Аристотель), ибо подражание созвучно естественному и настоящему. Следует прислушаться в данном случае и к тому, что «конституирует эффективность выраженного словами, физическое воплощение значения, тело речи, которое в своей идеальности принадлежит к эмпирически детерминированному языку, является если не внешним дискурсом, то, во всяком случае, чуждым природе выражения как такового, чуждым той чистой интенции, без которой не могло бы быть никакой речи» [4, с. 50]. Циклизация дискурсивной практики, таким образом, есть не столько повторяемость во времени фраз, выражений и синтаксических оборотов, сколько выход к рубежу, горизонту желаемого. Выражая себя, автор как бы формирует дискурсивное поле для последующего высказывания чужого.

Таким образом, литературно-художественный дискурс есть явление особого порядка, в нем мозаично и явно неситуативно складываются во множественный базис потенциально разные точки зрения, разные мировоззренческие позиции, наконец, разные типы мышления. Исследовательская перспектива, на наш взгляд, не должна ограничиваться только лишь выявлением наличных признаков данной системы – ориентир должен быть гораздо шире и объемнее. Тестовая плоскость в подобных условиях становится блочно-сформированной конструкцией объективации процесса рождения имманентного смысла. За поэтическим словом, художественным знаком срабатывает комбинаторика структуры. Фрактал смысловых координат дискурса характеризуется приметам реализации изотропии. Реципиент выбирает при этом качественно удобное, сингулярное положение оценки/анализа, которое продуктивно и действенно ориентирует на то, чтобы практику авторского письма подвергнуть стратификации, или расщеплению, только в этом случае фрактальные приметы будут абсолютизированы. Художественному дискурсу для полного претворения коннотаций необходимо нарушение строгой естественности, преодоление условной системности, тем самым произойдет раскрытие спектра магистралей семантических координат.

Библиографический список

1. Барт Р. Империя знаков / Пер. с фр. Я.Г. Бражниковой. – М.: Праксис, 2004. – 144 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминой. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с.
4. Деррида Ж. Голос и феномен / Пер. с фр. С.Г. Кашина, Н.В. Суслов. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
5. Кристева Ю. Избранные работы: Разрушение поэтики / Пер. с фр. Г.К. Косиков, Б.П. Нарумов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

6. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ., общ. ред. В.И. Аршинова и др. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
8. Рикёр П. Время и рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе / Пер. с фр. Т.В. Славко. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 224 с.
9. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. – 416 с.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Пер. с нем. К.В. Беляев и др. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 416 с.

Донева Валентина Иванова
гл. асистент, доктор
Югозападен университет «Неофит
Рилски»
България, г. Благоевград
e-mail: axlvalia@abv.bg

Doneva Valentina Ivanova
Chief Assist., Ph.D.
South-West University "Neofit Rilski"
Bulgaria, Blagoevgrad
e-mail: axlvalia@abv.bg

В.И. Донева

ТАЙНСТВЕНИ АСПЕКТИ В ПОВЕСТИТЕ «ПРИЗРАЦИ», «СЪН» И «КЛАРА МИЛИЧ» ОТ ТУРГЕНЕВ

Анотация: Статията разглежда типологията на персонажите в тайнствените повести на Тургенев «Призраци», «Сон» и «Клара Милич», изделяйки два типа. Това са герои, които носят в себе си фантастични детайли, и герои, които усещат на себе си действието на това чудо. Проследяват се еволюцията и сформироваността на характера на основата на повествованието на самия автор. Някои персонажи са превърнати в легенда, други са построени като изпълнени мистики и а-реалистични. Освен характеристиките на героите се разглеждат и други детайли, които съдържат в себе си мистицизма и помагат да се определят дадените повести като тайнствени.

Ключови думи: тайнственост, герой, типология, Тургенев

V.I. Doneva

MYSTERIOUS ASPECTS IN TURGENEV'S SHORT NOVELS «GHOSTS», «DREAM» AND «KLARA MILICH»

Abstract: The paper focuses on the typology of the characters in Turgenev's mysterious novellas "Ghosts", "Dream" and "Klara Milich", identifying two types. They can be divided into characters who carry fantastic details and characters who feel the effect of this miracle. The evolution and formation of character based on the narration of the author himself has been traced. Some characters have turned into a legend, others have been built as mysterious and non-realistic. In addition to the characters' characteristic features, other details are considered that contain mysticism and help to call these novellas mysterious.

Keywords: mystery, hero, typology, Turgenev

В статията се разглеждат някои от проявите на тайнственото, като основно внимание е обърнато на смъртта, нейните превъплъщения и нюанси. Всеки от разглежданите персонажи по един или друг начин се докосва до този образ и бива повлиян от него. Статията се стреми да разгледа проявата на човешкото и нечовешкото, на тайнственото, мистичното при някои от героите на

тайнствените повести на Тургенев. Вниманието ни се спира предимно на повестите *«Призраци»*, *«Сън»* и *«Клара Милич»*.

Тургенев възприема смъртта като основен носител на тайнствено и ирационално начало. Може би това е причината толкова често авторът да разсъждава върху нея, като пречупва през образа й нищожеството на човешкото съществуване и го представя като фантастично начало.

Използването на сравнения от областта на животинския свят при изграждането на образа на смъртта е свързано с начина, по който Тургенев възприема природата, която заема неутрална позиция по отношение на доброто и злото и съдържа в себе си в естествено състояние както живота, така и смъртта.

Смъртта е представена като реален образ, част от битието, но не само в биологичен, а и в нравствен и етичен аспект. В случаите, в които в обществото липсва духовното начало, в описването им се забелязват характерни черти за смъртта. Самият човек в *«тайнствените повести»* притежава сили, които са способни да унищожат него самия и да навредят на околните.

Всички персонажи, които имат отношение със смъртта, в различна степен съчетават в себе си човешкото и нечовешкото. Нечовешкото може да бъде реализирано художествено най-често като притежание на свръхестествени способности или като присъщи за животните черти, дори и като съчетание между едното и другото.

Като нещо извън сферата на човешкото и издигащо се над него, в *«Призраци»* са реализирани образите на исторически личности, които не само са водещи образи за епохите си, но в някаква степен са образи, които са били митологизирани. Имената на Юлий Цезар, Наполеон, от една страна, и Степан Разин, от друга, в повестта са възплъщение на два признака на историческия процес – на властта и анархията, които се изправят срещу човешката личност, като я заплашват с унищожение.

Тургенев съхранява и развива в повестта си свръхестествените образина Цезар и Разин, създадени благодарение на митологичната традиция, характеризираща демоничните персонажи. Авторът изгражда и двата образа като непринадлежащи на човешкия свят. Видът на Цезар оставя разказвача без дъх: *«Човешкият език*

няма думи да изрази ужаса, който сви сърцето ми. Струваше ми се, че открие ли тази глава очи, разтвори ли устни –и аз тутакси ще умра» [7, с. 19]. В епизода с Разин заклинателните думи са «Сарынь на кичку!» – израз, използван от разбойниците, хора извън обсега на социалните структури и живеещи в собствения си, създаден от тях свят. В известна степен този извънсоциален техен образ е подложен на митологизация: разбойникът, който денем е обикновен гражданин, а нощем проявява реалната си хищна същност.

Митологичната основа на описаните образи е противопоставена на човешкото начало като нещо нечовешко, свръхестествено. Това противопоставяне не само придава плътност на фантастичното, но и помага да бъде реализирана идеята на автора за античовечността на онези далечни времена, към които принадлежат дадените личности.

Някои от образите, които се свързват със смъртта в повестите на Тургенев, са насекомите. Гълпата, например, в епизода, известен като Парижки, е изобразена като мравуняк. Той е символ на разложение и упадък – централна тема за повестта «Призраци». Смъртта е изобразена като духовна, а не като физическа, набляга се на липсата на нравственост на част от социалното общество.

Образът на птицата също най-често се свързва с образа на смъртта. Образът на птицата непрекъснато съпътства Елис. Според разказвача този полет е възможен единствено в състояние, близко до смъртта, когато човек губи контрол върху съзнанието си. Във финалния епизод идването на Елис е предизвестено от появата на врана, която се заплита в клоните на дърво. Присъствието на хищната птица е видимо в отделни детайли като «изшипени нокти като на хищно животно» [2, с. 27]. Птицата и в частност хищната птица при отделните народи, в това число и славянските, е свързана с образа на смъртта, с принадлежност към отвъдния свят. Най-често образът на враната и нощните хищни птици се свързват с образа на злото и дяволското. В повестите на Тургенев митологичните мотиви съществуват не само като потенциални, но и като актуализирани чрез възприемането на героя-разказвач. Например, преди да започнат тайнствените събития разказвачът вижда сива птица, която за него е като пратеник от друг свят: «Дали не са те изпратили да ме подсетиш?» [7, с. 9].

На смъртта освен образите на птици са присъщи и други признаци, сходни със змийското начало. Целувката на Елис напомня тънко и меко жило, а в очите ѝ нещо се движи - с бавно, непрекъснато и зловещо движение на свита на кълбо змия, която се напича на слънце. Трябва да отбележим, че при описанието на безобразното *«нещо»* се споменава гущер, който, също както змията в славянската традиция, е свързан със света на мъртвите [2, с. 536].

На финала на повестта фантастичният образ на смъртта се трансформира в традиционния образ на ездача на бял кон. Този образ Тургенев е заимствал от Библията: *«И аз погледнах, ето го белият кон, а върху него ездач, чието име е смърт»* (Откровение на Йоан Богослов).

В повестта се появява друг образ, идващ от *«онзи»* свят. Елис умира, защото вече не е безплътен признак, а реална жена. Тя е причина и за заболяването на героя, който не успява да разбере какво всъщност е Елис. Призрак ли е или скитаща душа, зъл дух или вампир?. Топоров смята, че *«няма нужда да бъдем буквални, достатъчен е изразът «да изпия цялата кръв» да се разбира не като вампиризъм, а като «извличане на живота», лишаването от него, умирането. В този смисъл Елис е смъртта - за да живее пълноценен живот, тя има нужда от прясна кръв, тя не може да не убива, а онзи, който е попаднал под нейното странно, страшно обаяние на тази жена-птица, не може да се освободи от него и неизбежно загива»* (Топоров 1998).

Темата за смъртта Тургенев продължава и в другите си тайнствени повести. В тях тя не е застъпена като самостоятелен проблем по модел на *«Призраци»* и е представена заедно с други теми (темата за любовта в *«Песен на тържествуващата любов»*, *«Клара Милч»* и генетичната памет в *«Сън»*). Впоследствие акцентът при решаването ѝ е смесен с психологическия, етичния и психофизиологичния план. С темата за смъртта в *«Сън»* е свързан образът на Барона-баща и слугата му арабин. Този герой притежава нещо разрушително за околните дълбоко в същността си, което се превръща в разрушение за самия него. В сюжета на произведението той е представен заедно с тайнствен спътник.

В повестта «Сън» Тургенев развива мисълта за това, дали мъртвите могат да влияят върху живота на живите. Това въздействие е част от тайнственото явление «гласът на кръвта» и е свързано с генетичното наследство, получено от родители и предци. То може да доведе до различни последици в живота на децата. Образът на бащата в повестта е представен във вид на тъмна сила, която синът получава като наследство. Но в тази тъмна и зла сила е вплетено и тайнството на живота, причината за раждането на героя. Образът на бащата е свързан с темата за смъртта, тъй като в повестта той е носител на разрушителното начало на човешката личност. Индиректно е въведена и темата за насилието в любовта.

Тайнствеността, която обгражда този образ, се изгражда с помощта на определени художествени похвати. Образът на Бароназаема в повестта особено, гранично място. Свързан е с далечното и чуждото (Америка), маргиналното (стена, ъгъл, бряг), тайнственото, опасното (морето). Това положение отговоря на социално-етичния му статус - той е престъпник - извършил е престъпление срещу майката на героя-разказвач. Чертите, които го определят като «чужд», са в облеклото, миризмата, поведението му. В тази посока е развит образът - наскоро той е дошъл от Америка, където е живял дълги години, и има намерение да се върне обратно там. *«Той нарече себе си барон... името му не успях да чуя. Той също като нощния ми баща завършваше всяка своя дума с някакво неразбираемо вътрешно мърморене... Той попита за християнското име на майка ми и прихна да се смее в неистов смях - след това се извини, че това е негов америкнаски навик и че по принцип той е пълен чудак».* Присъщо за представителите на откъдното, според народните вярвания, е «изкривяването» на нормалния тембър от пискливи звуци до престорено ниския тембър на гласа (Виноградова 1999). Баронът говори със «сух и рязък, гнусен глас».

В описанието на външния облик на героя изпъкват черният цвят и черната гама: *«Облечен в дълъг черен балтон, с нахлупена на очите сламена шапка, той седеше неподвижно скръстил ръце на гърдите си. Редките снопчета черна коса стигаха почти до носа му, тънките устни притискаха тънкия край на лула... Той е с мургаво, жлъчно лице, с «черни бодящи очи», с които той сякаш промушваше*

героя». Черният цвят е символ на мрака, мъката, нещастieto. Той символизира още дяволското, тъмните сили. Акцентът, поставен върху студенината на очите, също е преднамерено избран и смислово натоварен.

Демонична е светлината, в която героинята вижда персонажа: *«Изведнъж нещо се раздвижи, изправи се и се показа... Направо от стената, целият черен, дълъг излезе онзи ужасен човек със злите очи!»*. В този случай начинът на появяване на непознатия е сравнено с представата за дращещо куче. В източнославянската митология дяволът често е представен с кучешка муцуна. Тези акценти са видими и в образа на бащата през нощта (животинското, мечешкото мърморене).

Белегът, който оставя отпечатък върху цялото лице на непознатия, също представлява препратка към нечиста сила. Физическите дефекти, какъвто се явява и белегът, са маркер, поставен от тъмна зла сила. Баронът получава наранявания след игра на карти, в резултат на което му остава описаният на лицето белег. Играта на карти е свързана с идеята за порока, съответно за влияние също на нечиста сила.

Баронът е свързан пряко със смъртта още от самото начало на разказа. Смъртта му е насилствена, а не естествена. За първата му смърт разказва майката: *«Представи си, в деня на отпътуването изведнъж на улицата се натъкнаха на носилка. На тази носилка лежеше току-що убит човек с разцепена глава и, представи си – този човек беше същият онзи страшен нощен гост със злите очи... Беше убит след игра на карти!»*.

Втората му смърт е свързана с образа на морето и, по-точно, с разразена морска буря. Намесата на природната стихия е противопоставена на човешката такава. Колкото безгранично и неконтролируемо може да бъде морето, толкова безгранична и разрушителна може да бъде човешката природа. И отново нещо демонично се наблюдава в образа на мъртвия барон, изхвърлен от бурята на брега: *«Мургавото му лице, насочено към небето, сякаш се подсмиваше...»*.

Двойната насилствена смърт, описана в повестта, препраща към блуждаещите души. Естествената смърт е дар, логичният край на

земния живот. При хората, загинали от насилствена смърт, според християнските вярвания (при самоубийства, войни или хладнокръвни убийства), душата не намира покой и се скита вечно. Насилствена смърт спохожда хора, които приживе са били в контакт с нечиста сила. *«Вярва се, че тях не ги приема Майката земя, т.е. гробът не може да « удържи» покойника, той излиза и блуждае като привидение, дух, преследва и плаши хората, влиза в къщите на роднините си»* [1, с. 374].

Без погребение остава и Баронът от Тургеневия разказ. В останалите герои от произведението остава усещането, че виновникът за нещастията им остава ненаказан. Чувството за тайнственост се подсилва и с липсата на труп в края на повестта, който да докаже фактическата смърт на барона. *«Труп не се виждаше, само на мястото, където е лежал, то все още беше вдлъбнато и ясно се виждаха следите от ръцете и краката...»*.

Загадъчната смърт при неизяснени обстоятелства допълнително митологизира събитието, което остава живо във въображението на хората. Тайнствената смърт на барона оставя отворен разказа и създава условия за свободен полет на мисълта. Това е пряката реализация на модела на Тургенев да задава въпроси, които съзнателно оставя без готови отговори. Мистерията остава жива след финала на разказа. Образът на слугата на Барона с цялото си същество препраща към неизследван и загадъчен свят. Свят, който е достъпен само за мъртвите. Авторовото решение слугата да не е руснак засилва тайнственото, като го причислява към култура, обгърната в мистика, неясна и загадъчна.

В повестта *«Клара Милч»* символиката, вложена в образа на главната героиня, който отначало е конкретен и реален, но впоследствие прераства в обобщен и идеализиран, пряко кореспондира със смъртта.

Външният вид на Клара обсебва съзнанието на Аратов:

«Аратов не изпуска от поглед мургавото лице, може би европейско, а може би циганско, малките черни очи, скрити от срасналите се вежди, правилния нос, тънките, но красиви устни, въздългата черна плътка, която само като я гледа човек вижда, че

тежи много ... миниатюрни ушички. По душа е страстна, своеволна и едва ли е добра, едва ли е и много умна».

Загадка остава защо Аратов е запленил от Клара. Образът ѝ е достатъчно изчерпателен и дава яснота по въпроса каква е тя и как изглежда. Всъщност, той не я харесва, да я изгони от мислите си също не може.

В описанието на Клара Тургенев недвусмислено акцентира детайлите, които, от гледна точка на семантиката, са устойчиви и дълбоко традиционни. На първо място е поставено усещането за наситеност, за преобладаване на един цвят над всички останали. На второ място стои споменаването на друг етнос, което еднозначно създава асоциация за нещо чуждо, за другост. Така изграден, образът носи маркера на опасността, нечистото, греховното начало. Нечистата сила и магията изначално са част от битата на циганите. Реализираните на практика асоциации, с лекота тласкат образа на Клара в посока на тайнственото, като определят произхода ѝ само по външни белези (мургава кожа, дебела черна плетка).

Поддаден на общата памет и на широко разпространените предразсъдъци, Аратов на психологическо ниво се лута между мислите си и обществените нагласи. Стихията, която бушува в душата му, насочва към объркани заплетени чувства, изградени под чуждо влияние впечатления. Аратов не е наясно със себе си, затова трудно изгражда взаимоотношения с околните. Клара е специална за героя. Защо – остава загадка. Тя е обсебила и деня и нощта му:

«А Аратов до среднощ – няма, няма и започва с онази същата досада, с онова същото озлобление да мисли за бележката, за «циганката», за определената среща, на която той най-вероятно няма да отиде. И през нощта тя го притесняваше. Все му се привиждаха очите ѝ ту присвити, ту широко отворени ...».

Очите, погледът като цяло, в славянската митологична традиция се свързват с възможността да се влияе на хората и света – най-вече в отрицателно отношение. Това са думите на Толстой, който продължава разсъжденията си, като посочва особеностите във формата на очите. Според вярванията, аномалиите на очите (късогледство, сраснали се вежди, липса на мигли и др.), подобно на

други несъвършенства по тялото, се приемат като белег за принадлежност на човека към света на демоните [7, с. 105].

Образът на Клара провокира със сложния си предопределен трагизъм, втъкан както във външния ѝ вид, така и залегнал дълбоко в характера ѝ. Решенията и последвалите действия от страна на героинята разкриват посоката, в която гледа, усещанията, които носи, и превеса на болката и себеотрицанието в дебрите на вътрешния ѝ свят (напускането на дома, изпращането на бележката, самоубийството ѝ).

Клара вярва, че по-висша сила определя съдбата на човек. Вярата в предопределената съдба насочва към тайнствени, неизвестни сили, които управляват хората. Това вярване е част от митовете и легендите, от една страна, и неразделна част от културата на Изтока, от друга. Обширен дял в предопределената съдба заема името (собствено) на индивида. Трябва да отбележим, че в българската традиция един от най-разпространените начини за кръщаване на новороденото е назоваването му на името на светец. До който голям църковен празник е близо рождения ден на детето, името на този светец и получава. В миналото в българската традиция е съществувал обичай за смяна на името на новороденото с цел да се «излъже» съдбата и да се спаси живота на новороденото.

Истинското име на Клара е Екатерина. След кратка справка за произхода на имената се изясни, че името Клара идва от латински и означава «ясна», а името Екатерина има гръцки произход и означава «чиста». Остава усещането за сближаване на името и псевдонима. Героинята не се опитва да «излъже» съдбата си като неофициално си сменя името. Това нейно решение акцентира върху вярата ѝ в предопределеността.

В миналото в българската традиция е съществувал обичай за смяна на името на новороденото с цел да се «излъже» съдбата и да се спаси живота на новороденото.

От една страна Клара също се опитва да избяга от съдбата си, а от друга доброволно ѝ се подчинява.

Копнежите на героинята проектират в образа ѝ поредната загадка. Търсенето на любовта е вечна човешка потребност, скрита под пластове тайнственост. Намирането на спътник в живота, с

когото връзката е дълбоко любовно чувство, инплицитно насочва към семейството като най-желана човешка ценност.

Нагласата на Клара към търсенето на партньор е изначално отрицателна. *«Такъв мъж, какъвто искам, няма да срещна..., а друг не ми е нужен!»*.

Причините за негативната ѝ нагласа се коренят в дълбоката ѝ вяра, че човек се ражда с написана съдба и никой впоследствие не може да я промени или да избяга. Героинята не вярва в съществуването на висша сила. Тя се дистанцира от каноните на църквата и от християнската традиция като цяло. Наблюдаваме как причина за нейната изолираност от света наоколо се дължи на вътрешния ѝ свят и в частност на изразеното ѝ его. Причината за провал в живота при Клара е заложена в гордостта ѝ. Тя фанатично вярва, че нашият живот е в нашите ръце и го доказва на практика. Отново гордостта ѝ я тласка към самоубийство. За втори път тя изразява гласно отрицателното си отношение към живота: *«Щом не мога да живея както си искам, тогава не искам да живея...»*.

Аратов се появява като главно действащо лице в разказа след смъртта на Клара Милич. С Аратов идва и загадката. Съзнанието на героя създава тайнствени образи, свързани с личността и физическия образ на Клара. Кулминацията на необяснимите явления настъпва при появата на призрака на героинята *«И ето, че му се стори, как някой стои наред стаята»*.

Аратов непрекъснато и натрапчиво пресъздава в съзнанието си обстоятелствата около смъртта на Клара. Не му дава мира мисълта за извършения огромен грях, за насилственото и неестествено посегателство върху живота. Според вярващите християни самоубийците отиват в ада. Аратов споделя православните ценности и тази мисъл го плаши. Може би тайното му желание да повдигне завесата над тайнствената същност на *«онзи»* свят не оставя съзнанието му нито за миг в покой. Къде е Клара сега? Като вярващ християнин Аратов знае, че душата на покойника до 40-ия ден все още броди по земята. Колкото повече се увеличава знанието в главата на героя, толкова повече възникват въпроси, на които той не е в състояние да си отговори.

Виноградова отбелязва, че според народните вярвания, покойниците, които продължават да имат някаква връзка с живите, са принудени да продължат да обитават света на хората. Такава връзка може да бъде тъгата за любимия човек. [1, с. 374].

В повестта на Тургенев ситуацията е изместена леко встрани от мистиката в чист вид. Тук първостепенна роля играят психиката и светоусещането на героя. От сюжета на произведението научаваме за неизлечимата болест на Аратов, за това, че неговата среща със смъртта ще настъпи скоро. Нашето мнение е, че героят има душевни терзания заради невъзможността да реализира копнежите си без да наруши важните за него ценности. Съвсем хипотетично, но не и невъзможно, е твърдението ни, че той се надява на среща с Клара след смъртта си. Душевните му терзания са предизвикани от осъзнаването, че според делата нейни – тя ще отиде в ада, а той – в рая. Невъзможна любов дори на «онзи» свят.

Наличието на образ на покойник, който е «заложник» позволява да се увеличи трагичната наситеност на темата за любовта. Тургенев описва ненамаляващата любов на един жив човек към вече починалата му любима. В този случай наличието на призрак става символ на подчиненото съзнание и цялата същност на човека само благодарение на чувството. Вярата на героя в задгробния живот, активното му въображение водят до повишена тайнственост. Сънищата му придобиват тематична насоченост.

Единственият образ в сънищата на Аратов е свързан със съществуването и призрака на Клара. Първият му сън след смъртта на Клара е неясен, неопределен. Той не успява да види, да различи жената, която сънува, лицето ѝ остава скрито, обвито в тайнственост.

Появата на призрака на Клара, който е свързан с отвъдното, става при пълен мрак (когато дори луната не се показва) и задължително в момент, в който Аратов се унася – още не е заспал, но и трудно може да се каже, че е буден.

Клара е представена не само в ролята на самоубиец, но и в ролята на отблъсната жена. Така в публикуваната във вестника обява, че смъртта на Клара е от несподелена любов, има нещо вярно. По някакъв тайнствен начин Аратов става косвеният виновник за смъртта на Клара. С нарастването на любовта му към Клара,

правопропорционално се увеличават и душевните му мъки, свързани с чувство за вина. Мотивът за мъките на съвестта е характерен само за образа на Аратов в дадената повест.

Авторът поставя акцент върху непорочността на героя си. Представянето на Аратов като чист (душевно и физически) образ, го отдалечава все повече от образа на Клара. Той е носител на чистота, на светло начало, на непорочното и девственото. На свой ред Клара е олицетворение на мрака, на нечистата отвъдна сила, която съблазнява непорочния младеж със загадъчни и тайнствени умения, с красива и сладострастна външност. Преднамерено Тургенев отрежда на героинята си място в избраното общество, дарява я с талант и популярност. Така контрастът между Аратов и Клара се увеличава. Тя е светска дама, а той – аскет по душа. На фона на отбелязаните успоредни линии по-ярко изпъква образът на Аратов с цялата си етична и психологическа сложност. Красивата Клара не успява да плени сърцето на младия аскет, не завладява душата му. Привидното равнодушие на Аратов може да бъде обяснено с чистотата на душата, зад която, смеем да твърдим, се крие неспособността на героя да обича. Като причина за неговата неподготвеност за това чувство можем да посочим определени черти от характера му, например вродената му скромност и срамежливост. В съзнанието му живее образът на идеалната девойка, която той ще обикне, и този образ е пълна противоположност на външния образ и поведението на Клара. Така несъзнателно Аратов става причина за смъртта на Клара. Той няма пряко участие в смъртта ѝ, безразличието, което проявява по отношение на нея, тласка горделивата героиня към самоубийство.

Постепенно, сън след сън, Аратов започва да вижда смисъл в събитията, които му се случват, в срещите с призрака, пътуванията му, срещата с роднините на Клара. Загадъчните събития и образи, които го съпътстват, пряко кореспондират с народните вярвания, християнската традиция и, не на последно място, с митологията.

Можем да обобщим, че и в трите разгледани повести откриваме повтарящи се аспекти на *«тайнственото»*, като основното свързващо звено е смъртта. Но също така тайнственото се подсилва от необяснимите случки и усещания. Образите, с които тези усещания се подсилват обикновено са заредени с дълбока символика.

Хтоничното и демоничното са представени с помощта на животинския свят. Характерните образи, които свързваме със смъртта и отвъдния свят, са змията, мравуняка, хищната птица и т.н. Друг символ на тайнственото е сънят, който играе ролята на портал между света на хората и отвъдното. Там е мястото и времето, когато се случват всички мистериозни и необясними събития. Там е пространството, в което се срещат живите и мъртвите. Сънят е също така онзи аспект на тайнственото, който, освен че носи много въпроси, дава и отговори. Благодарение на него някои от героите успяват да открият смисъл в тайнствените и необясними събития, които изпълват живота им. Тайнственото носи както неразбиране и уплаха, така също дава и яснота, и утеха.

Библиографически списък

1. Виноградова Л.Н. Покойник.//Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М. Международные отношения, 2002, с. 373-375.
2. Гура А. Символика животных в славянской народной традиции: Современные исследования.– М. Изд-во Индрик, 1997 г.
3. Курляндская Г.Б. Структура повести и романа И. С. Тургенева 1850-х годов. – Тула, 1977 г.
4. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева – романиста. – Тула, 1972 г.
5. Левкиевская Е.Е. О «демоническом» в музыке и музыкальных инструментах (карпатская народная традиция). // Мир звучащий и мир молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян). Отв. Ред. С. М. Толстая. М. Индрик, 1999, с. 305.
6. Полное собрание сочинений и писем И.С. Тургенева.– Москва, 1958 г.
7. Толстой Н.И. Глаза.// Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М. Международные отношения. 2002, с. 105.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28-х томах. – Москва, 1961 г.

Дмитрюхина Лариса Викторовна
Заслуженный работник культуры РФ
Заместитель директора по научной
работе
Бюджетное учреждение культуры
Орловской области
«Орловский объединенный
государственный
литературный музей И.С. Тургенева»
Россия, г. Орел
e-mail: turgenev@orel.ru

Dmitryuhina Larisa Viktorovna
Honoured Culturologist of the Russian
Federation
Deputy Director of scientific work
"Orlovsky United State Literary
Museum of I.S. Turgenev"
Russia, Oryol
e-mail: turgenev@orel.ru

Л.В. Дмитриухина
**ОТ МУЗЕЯ-БИБЛИОТЕКИ ИМ. И.С. ТУРГЕНЕВА К
ОРЛОВСКОМУ ОБЪЕДИНЁННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ
ЛИТЕРАТУРНОМУ МУЗЕЮ И.С. ТУРГЕНЕВА**

Аннотация: Музей И.С. Тургенева в Орле – старейший литературный музей России. В 2018 году ему исполнилось 100 лет. За столетнюю историю музей аккумулировал в своих фондах музейные предметы, относящиеся к творческой биографии не только И.С. Тургенева, но и многих других выдающихся писателей, судьбы которых связаны с Орловской губернией (Орловской областью). Среди них – А. Фет, Н. Лесков, И. Бунин, Л. Андреев, Б. Зайцев, М. Пришвин и многие другие. Богатая фондовая коллекция позволила открыть в Орле не только Музей И.С. Тургенева, но и еще 6 литературно-мемориальных музеев. Истории музеефикации феномена Орловского литературного края посвящена данная статья.

Ключевые слова: музей И.С. Тургенева в Орле, музейная коллекция, комплектование фондов, мемории, филиалы, экспозиции, писатели-орловцы.

L.V. Dmitryuhina
**FROM THE IVAN TURGENEV MUSEUM-LIBRARY TO THE
INTEGRATED STATE I. TURGENEV LITERARY MUSEUM**

Abstract. The museum of Ivan Sergeyevich Turgenev, founded in Oryol, is one of oldest literary museums in Russia. In 2018, it became 100 years old. Since its construction, the museum has accumulated fond items not only related to Turgenev's own work and biography, but also a considerable amount of other notable writers whose fates were intertwined with the Oryol Governorate (Oryol Oblast). Among them are A. Fet, N. Leskov, I. Bunin, L. Andreyev, B. Zaytsev, M. Prishvin, and many more. These rich fonds led to the opening of the Turgenev Museum, and six other literary-memorial museums. The following article is dedicated to the history of the museumification of the phenomenon known as the Oryol literary region.

Keywords: Museum of Turgenev in Oryol, museum collection, gathering of fonds, memoria, affiliates, exhibitions, Oryol writers

Как в своё время писала газета «Правда»: «Самое замечательное в жизни этого музея – дата его возникновения». Действительно, 1918 год, время разрухи, сумятицы, гражданской войны не самое подходящее для открытия музеев. Но, как это ни парадоксально, 24 ноября 1918 года в Орле в ознаменование 100-летия со дня рождения писателя-либерала открывается Музей-библиотека им. И.С. Тургенева. До сих пор остаётся своего рода загадкой, почему именно Тургенева было решено чествовать. Может быть, этому способствовал тот факт, что Тургенев был в числе любимых авторов В.И. Ленина? Безусловно, свою роль сыграло и взволнованное письмо в Наркомпрос наследницы писателя О.В. Галаховой с просьбой сохранить тургеневские вещи, документы, рукописи и библиотеку, находящиеся в её орловском доме. 22 июля 1918 года городские власти принимают постановление о муниципализации жилья в Орле. 4 сентября 1918 года Галаховы получают охранную грамоту на дом, который уже 1 октября был занят под музей. Десять дней спустя была получена официальная телеграмма Наркомпроса за подписью Н. Троцкой о создании музея. 24 ноября музей принял первых посетителей. Так в рекордно короткий срок организован музей, находившийся в ведении Наркомпроса, получивший официальное название – Музей-библиотека им. И.С. Тургенева.

Слово «библиотека» в названии музея появилось на том основании, что книги мемориального собрания Тургенева в новом очаге культуры Орла были доступны для прочтения каждому гражданину.

Первым хранителем музея, присланным из Москвы, стал Михаил Вениаминович Португалов (1879-1927), известный учёный-литературовед, редкостный для своего времени знаток творческого наследия И.С. Тургенева, командированный в Орёл заведующим отделом народных библиотек Наркомпроса В.Я. Бросовым. (Ещё одно объяснение названия «Музей-библиотека»).

О том, какие трудности при организации музея и его жизни в последующее десятилетие пришлось преодолеть Португалову, можно

судить по его ежегодным отчётам в Наркомпрос, письмам, просьбам и запросам в различные инстанции. (Эти документы хранятся в архиве ОГЛМТ). «После прихода и ухода белых Орёл очутился в самом печальном положении... Всё пошло прахом... Ни денег, ни хлеба, ни дров...» Особенно тяжело давалась борьба с орловскими властями за обеспечение музея самым необходимым для его жизнедеятельности.

Несмотря на многочисленные хозяйственные хлопоты, с первых дней жизни музея Португалов стремился сделать его не только культурно-просветительским учреждением, но и центром научного изучения творчества Тургенева. По его инициативе было создано при музее «Тургеневское общество», куда вошли известные в городе люди: писатели, преподаватели, представители орловской интеллигенции, в том числе будущий академик Н.И. Конрад.

Выпущены ряд научно-популярных изданий, в том числе сборники «Тургениана»

Легли на плечи Португалова и заботы о Спасском-Лутовинове, которое вплоть до 1988 года оставалось филиалом Государственного литературного музея И.С. Тургенева в Орле. История мемориализации Спасской усадьбы, превращение её в заповедник - сюжет для отдельного рассказа. Ведь ещё в конце 1930-х годов планировалось восстановление усадебного дома, которое удалось осуществить лишь в 1976 году.

М.В. Португалов возглавлял музей вплоть до кончины в 1927 году. (Умер в Крыму, в Гаспре – в санатории).

Больно ударили по музею 1930-е годы. После смерти Португалова хранителем стала его заместитель Вера Михайловна Викторова, урожд. княжна Оболенская, которая продолжила линию развития музея, намеченную Михаилом Вениаминовичем. Но работать ей довелось недолго, она была арестована по делу краеведов (в числе ещё 10 человек) и как враг народа отправлена в ссылку в Казахстан. Умерла в возрасте 66 лет в Зеленодольске (1946 - ?).

В это смутное время сменилось несколько директоров-партийцев, пока к руководству музеем не пришёл Борис Александрович Ермак (директор с 1929 по 1948 годы). Не имея специального филологического образования, будучи ставленником

партийного руководства, Ермак оказался замечательным директором литературного музея. В его бытность была открыта новая экспозиция, официальный статус получил заповедник Спасское-Лутовиново, музей и его филиал перешёл в разряд государственных, начались работы по восстановлению усадебного дома. Но самая большая заслуга Ермака – спасение музейной коллекции во время Великой Отечественной войны, которая нарушила все планы развития музея.

Ещё в самом начале М.В. Португалов наметил стратегию дальнейшего развития музея как вширь, так и вглубь. В фонды Музея-библиотеки им. Тургенева стекались предметы музейного значения по теме: «Писатели-орловцы». В 1918 году поступило 5 подлинных писем Н.С. Лескова; вместе с тургеньскими мемориями от О.В. Галаховой, которая была племянницей А.А. Фета, в музей перешла и мебель поэта. В 1921 году была подготовлена небольшая экспозиция «Писательская комната им. Фета».

В отчёте за 1921 год Португалов так описывает эту комнату: «Здесь обстановка Фета. Мебель двух сортов: старинной Николаевской поры и новомодная, стиля “Жакоб».

По стенам портреты писателей, уроженцев Орловской губернии: Фета – Мценского уезда; Апухтина – Болховского уезда; Грановского – Орёл Лескова – Орловского уезда; Леонида Андреева – Орёл; а также друзей-современников Тургенева и Фета, как-то: братьев И. и П. Киреевских, Герцена, Огарёва, Н. Полевого, профессора Кавелина, портрет-фотография И.А. Бунина <...> На стенах переводы и сочинения Фета с автографами».

Главные испытания по сохранению накопленных музеем культурных ценностей выпали на годы войны. Теперь, когда известно, какие потери понесла культура в военные годы, невольно встает вопрос о том, как Музеем Тургенева удалось эвакуировать и сохранить экспонаты в труднейшее время внезапно начавшейся войны. Не надо забывать, что Музей И.С. Тургенева в то время оставался в ведении Наркомпроса, и снова, как тогда, в 1918 году, судьба музея решалась на уровне правительства. По просьбе директора музея Бориса Александровича Ермака принимается правительственное решение об эвакуации Музея И.С. Тургенева

вглубь страны - в город Пензу. Удаётся добиться выделения грузового транспорта и двух железнодорожных вагонов для погрузки ценнейших тургеневских реликвий, а также наиболее ценных экспонатов краеведческого музея. В пензенском краеведческом музее была развёрнута Тургеневская экспозиция.

Эту экспозицию посмотрели тысячи военнослужащих и жителей Пензы, о чём свидетельствуют записи в книге отзывов. Благодаря решительным действиям директора музея Б.А. Ермака удалось спасти от гибели наиболее ценную часть меморий и архивных документов.

После освобождения Орла 4 ноября 1943 года Совет Народных Комиссаров РСФСР издает распоряжение: «Разрешить Наркомпросу РСФСР реэвакуировать Государственный музей Тургенева из г. Пензы в г. Орел и израсходовать на его реэвакуацию 116,5 тыс. рублей за счет сметы Наркомпроса РСФСР на 1943 год. Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР - А. Косыгин». В фондах музея хранится знамя, которым Наркомпрос РСФСР наградил Государственный музей И.С. Тургенева «За отличную работу во время войны».

Итоги многотрудного военного пути Тургеневского музея подведены сухими строками приказа народного комиссара просвещения РСФСР от 19 апреля 1944 года о награждении Музея Красным знаменем за работу в военное время.

«Коллегия Наркомпроса РСФСР отмечает, что коллектив сотрудников Орловского литературного музея И.С. Тургенева в исключительно тяжёлых условиях налётов вражеской авиации на Орёл осенью 1941 года отлично организовал эвакуацию ценнейших мемориальных собраний и других фондов музея, составляющих национальную гордость русского народа, обеспечил полную их сохранность, досрочно выполнил задание по описанию этих фондов и принятию их на государственный учёт. Принял также на хранение и обеспечил полную сохранность ценнейших фондов орловского и елецкого краеведческих музеев, оставленных без надзора.

За два года в Пензе тургеневский музей посетило 45 тысяч человек, организовано более 60 выставок-передвижек для госпиталей, колхозов и школ, их посетило свыше 20 тысяч человек.

Возвратившись в Орёл, сотрудники восстановили экспозицию, и уже через месяц после приезда музей был открыт для посетителей».

И.о. народного комиссара просвещения РСФСР Иваненко Г.И.

После возвращения музейной коллекции из эвакуации в 1944 году в Орёл начался новый период в жизни музея, характеризующийся активным пополнением коллекции музейными предметами по теме «Писатели Орловского края».

Традиции Музея И.С. Тургенева, концепция его развития, основной пафос которых заключается в преданности сотрудников всех поколений идее сохранения культурного прошлого, объясняют уникальность того, что на базе Музея И.С. Тургенева последовательно создавался целый комплекс литературных музеев. Этому, безусловно, способствует централизованное хранение музейных фондов.

Направление на концентрацию в фондах музея И.С. Тургенева реалий, связанных с темой «Орловский литературный край», которое задал М.В. Португалов, позволило уже в первые годы существования музея получить ряд ценнейших музейных предметов.

В 20-е–30-е годы собирательская работа осуществлялась в основном в плане выявления и приобретения тургеневских материалов: обследовались окрестности Спасского-Лутовинова (оно значилось в зоне ответственности музея, а в 1937 году официально стало его филиалом и было им до 1988 года); в газете «Известия» Португалов опубликовал воззвание ко всем гражданам России с просьбой присылать в музей всё, что касается жизни и творчества Тургенева. Новые поступления в фонды музея позволили открыть несколько новых выставок («75 лет "Запискам охотника"», «А.С. Пушкин и И.С. Тургенев – его ученик»), расширить имеющуюся экспозицию. Проводились реставрационные работы в Спасском-Лутовинове с перспективой восстановления усадебного дома.

В истории комплектования фондовой коллекции ОГЛМТ можно выделить несколько этапов, связанных, прежде всего, с созданием системы филиалов.

1. 1957 год. Музей писателей-орловцев.

Установлены контакты с родственниками писателей: А.И. Лесковой – вдовой Н.С. Лескова, В.Д. Пришвиной – вдовой М.М. Пришвина, родственниками Леонида Андреева (детьми писателя Вадимом, Валентином, Верой, потомками сестры Риммы), родственниками И.А. Бунина Пушешниковыми, приёмными детьми И.А. Новикова Мариной и Ростиславом Новиковыми-Принц.

Эти контакты, сохранялись долгие годы, передавались по наследству и потомками и сотрудниками музея.

В фонды музея поступали не только личные вещи, но и фотографии, картины, рукописи и документы писателей и лиц их ближайшего окружения (в том числе и из-за границы) и, конечно, публикации и издания произведений, в том числе прижизненных. Поступления шли не только из разных уголков СССР, но и из-за рубежа.

2. 1974 год. Дом-музей Н.С. Лескова.

В период разработки концепции и тематико-экспозиционного плана экспозиционная группа работала в архивах Орла, Москвы, Ленинграда. Устанавливала связи с исследователями и коллекционерами, писателями и художниками. Лесковский фонд пополнялся. Вместо одного экспозиционного зала в Музее писателей-орловцев в литературно-мемориальном Доме-музее Н.С. Лескова была развернута экспозиция в 6-ти залах, в одном из которых на основе подлинных вещей был воссоздан Петербургский кабинет писателя.

Открытие музея дало новый толчок накопления в ОГЛМТ лесковских меморий. Помимо А.И. Лесковой и её наследника (племянника) А.И. Хмары поступления последовали из семьи Микеладзе и художника С.С. Серого (Ленинград), В.И. Брояковской (Киев), К.А. Дюниной – дочери воспитанницы Николая Семёновича (Баку) и, наконец, подлинной сенсацией стало открытие прямого потомка Лескова – его праправнучки Т.Ю. Лесковой, живущей в Бразилии. Она также передала музею те немногие реликвии, которые хранились у неё.

3. Отдельной страницей в истории научного комплектования тургеневского фонда следует считать подготовку к открытию восстановленного усадебного дома И.С.

Тургенева в Спасском-Лутовинове. Помимо возвращения в Спасское тургеневское мемориала из мемориального отдела орловского музея (в Орёл вещи из Спасского были вывезены наследницей О.В. Галаховой), приобретались недостающие для раскрытия темы предметы эпохи, создавалось специально для Спасского собрание живописи. После предания заповеднику статуса самостоятельного музея вся коллекция, естественно, осталось в заповеднике.

4. Создание новой экспозиции Музея писателей-орловцев и Дома Т.Н. Грановского – начало 1980-х годов.

В этот период наиболее ценные и интересные материалы поступили в фонды И.А. Бунина, Л.Н. Андреева, И.А. Новикова, начал комплектоваться фонд Бориса Зайцева. Характерно, что значительная часть пополнения поступила из-за рубежа: Бунинские реликвии – от писательницы Н.В. Кодрянской (Франция) и исследовательницы Милицы Грин (Великобритания); зайцевские – от потомков писателя (Франция) через московского профессора Е.К. Дейч. Многочисленные родственники Леонида Андреева передавали андреевские мемории (автохромы, чёрно-белые фотографии).

По завещанию В.Д. Пришвиной музей получил полную обстановку московского кабинета М.М. Пришвина.

5. 1990-е годы были отмечены напряжённой экспозиционной работой. В сложный исторический период, когда перед многими музеями страны стоял вопрос об их существовании, ОГЛМТ продолжал расширяться, аккумулировать в своём собрании историко-литературное наследие Орловского края.

После реставрации здания музея Н.С. Лескова в нём была открыта новая экспозиция, получившая название «В мире Лескова». В экспозицию были включены многие из музейных предметов, поступивших в собрание после 1974 года.

Экспозиционные площади музея И.С. Тургенева были расширены за счёт сделанной к основному зданию пристройки. В новую экспозицию «Тургенев: Жизнь для искусства» введены вновь принятые экспонаты: живопись, графика, фотографии, большой корпус книг мемориальной библиотеки И.С. Тургенева.

Кроме обновления ранее уже существовавших экспозиций были созданы на правах филиалов два новых музея.

Долгие годы орловцы мечтали, чтобы дом на 2-ой Пушкинской улице, в котором прошли детство и юность Леонида Андреева, стал музеем писателя. Осуществить мечту не удавалось, так как дом находился в частном владении. И вот в конце 1980-х годов владельцы большей части дома согласились обменять её на квартиры в многоэтажных домах. Дом передали Государственному литературному музею И.С. Тургенева, и 21 августа 1991 года в 120-й день рождения Леонида Андреева, когда в Москве кипели политические страсти вокруг путча, в Орле открывали новый литературный музей.

Экспозиция под названием «На домашней Пушкинской» рассказывает о детстве и юности Леонида Андреева и отражении полученных в этот период впечатлений в его творчестве. Замечательно, что за сто с лишним лет дом не изменился, не достраивался и не перестраивался, что позволило воссоздать обстановку комнат и их назначение. Из-за неимения подлинных предметов из этого дома, возникла необходимость комплектования коллекции вещественного фонда бытовыми вещами с Пушкинских и Посадских улиц города. Сотрудники музея совершили подворный обход и собрали мебель, утварь, книги, сохранившиеся в сараях и на чердаках с начала XX века и предназначавшиеся на выброс. Собранные предметы были приведены в экспозиционный вид и заполнили комнаты старого дома.

В том же 1991 году 10 декабря была открыта выставочная экспозиция Музея И.А. Бунина. (В полном объёме, после ремонтно-реставрационных работ музей начал существовать лишь в 2010-м году). К этому времени бунинский фонд существенно пополнился. Из США от профессора С.П. Крыжицкого были получены уникальные материалы, относящиеся к творческой биографии писателя: книги, периодические издания, рукописи, документы, фотографии. По желанию дарителя в библиотечном зале музея посетители имеют возможность почитать эти редкие издания.

Много андреевских и бунинских материалов музей получил от хранителя русского архива в университете г. Лидс (Великобритания) Ричарда Дэвиса.

В сферу деятельности ОГЛИМТ входит также хранение архитектурных памятников XIX века, так как все музейные экспозиции размещены в зданиях, являющихся памятниками истории и архитектуры, три из которых имеют федеральное значение.

После открытия Дома Леонида Андреева и Музея И.А. Бунина название музея – Государственный литературный музей И.С. Тургенева – перестало соответствовать его действительному содержанию. И в 2008 году он получил новое наименование: Орловский объединённый государственный литературный музей И.С. Тургенева, в который входят 6 музеев – Музей И.С. Тургенева, Музей писателей-орловцев, Дом-музей Н.С. Лескова, Дом Т.Н. Грановского, Дом Леонида Андреева и Музей И.А. Бунина. Музеи объединены общим хранением фондов по типам: рукописно-документальные памятники, изобразительные памятники, вещественные памятники, редкая книга. Фондовое собрание насчитывает 180 личных фондов писателей. На 1 января 2012 года в нём насчитывалось 86961 музейных предметов основного фонда. Временные рамки собрания: середина XVIII века – первое десятилетие XXI века.

В музее работают высококвалифицированные сотрудники, все имеют высшее филологическое образование. Среди них четыре человека удостоены почетного звания «Заслуженный работник культуры РФ». 50-летний стаж работы в музее у заведующей Музеем И.А. Бунина Инны Анатольевны Костомаровой. Почти столько же отдали музею заведующая экспозиционно-выставочным от делом Альвина Тимофеевна Молозева, ведущий тургеновед Людмила Анатольевна Балыкова, старший научный сотрудник Светлана Леонидовна Жидкова, заместитель директора по научной работе Лариса Викторовна Дмитрихина, сотрудники отдела фондов Елена Михайловна Шинкова и Светлана Дмитриевна Симеонова. Все они принимали участие в создании музейных экспозиций и выставок, подготовке научных изданий музея, выступали на научных конференциях и подготовили новые музейные кадры. Многие

сотрудники проработали в музее 20-25 лет, приобрели богатый опыт во всех видах многообразной музейной деятельности, пользуются авторитетом в профессиональных кругах. Среди среднего поколения сотрудников ОГЛМТ – главный хранитель фондов Наталья Викторовна Уракова, заведующая Музеем писателей-орловцев Лариса Михайловна Маричева, заведующая Домом-музеем Н.С. Лескова Екатерина Викторовна Мазина, заведующая Домом Леонида Андреева Татьяна Викторовна Полушина, заведующая Домом Т.Н. Грановского Анжелла Николаевна Чернышева, ответственные хранители музейных фондов Лия Давыдовна Затуловская и Лилия Георгиевна Солодухина. За последние годы коллектив пополнился молодыми перспективными кадрами.

За 100 лет истории во главе музея стояли выдающиеся руководители, начиная со знаменитого первого директора Михаила Вениаминовича Португалова. В военные 1940-е годы музей возглавлял Борис Александрович Ермак, на долю которого выпало спасение и эвакуация коллекций, а по возвращении музейных ценностей в Орел – восстановление экспозиций. В 1950-е годы директором музея была Евгения Ивановна Кожухова, под руководством которой создавалась первая экспозиция Музея писателей-орловцев. Широко известно в научных кругах, особенно среди исследователей творчества Леонида Андреева, имя Леонида Николаевича Афонина, который упрочил авторитет музея как научного учреждения. На долю директора Ольги Николаевны Овсянниковой выпали хлопоты по проведению 150-летнего юбилея И.С. Тургенева, Нина Максимовна Кирилловская завершала восстановление усадебного дома писателя в Спасском-Лутовинове и создание очередного филиала в Орле – Дома-музея Н.С. Лескова. Валентина Викторовна Сафронова руководила музеем 23 года и в самые сложные 1990-е годы были открыты 2 филиала – музей И.А. Бунина и Дом Леонида Андреева, введено в строй двухэтажное здание фондохранилища.

С 2011 года музей возглавляет Вера Витальевна Ефремова.

ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЯ

Давчева Елена Григорова
Доктор
МГУ «Св. Иван Рилски»
България, г. София
e-mail: edavcheva@abv.bg

Davcheva Elena Grigorova
Ph.D.
UMG "St. Ivan Rilski"
Bulgaria, Sofia
e-mail: edavcheva@abv.bg

Е.Г. Давчева

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ В БЪЛГАРСКАТА УЧЕБНИКАРСКА КНИЖНИНА

Анотация. В статията се подвергва на анализ рецепцията на И.С. Тургенев в българските учебници за школа като следствие на обществено-политическото развитие на страната. Проследява се присъствието на писателя в много хрестоматии, сборници с текстове за четене в младши класове, учебници. Проведени са сравнения и озвучени статистически изводи. Разглеждат се различни канали на рецепцията. Обръща се внимание на избор на произведения, на някои преводи и на интереса от страна на рецепиентите.

Ключови думи: руска класическа литература, Тургенев, рецепция на литература за деца, корпус на литература за четене в школа, особености на превода, интерес от страна на рецепиентите

E.G. Davcheva

IVAN SERGEYEVICH TURGENEV IN THE BULGARIAN TEXTBOOKS

Abstract. This article analyses the reception of Turgenev in the Bulgarian textbook literature in the course of six periods that were prompted by the socio-political development of Bulgaria. The presence of this writer in a large number of literary miscellanies, readers, and training materials has been traced. Comparisons and statistical conclusions are drawn. Various reception channels are considered. The choice of works, some translations, and the receiver's interest have been focused on.

Keywords: Russian classical literature, Turgenev, reception of children's literature, textbook corpus, translation peculiarities, receiver's interest

Руската литература на XIX век е феноменално явление не само в историята на Русия, но и изобщо на цялото човечество. Не напрасно тя има и второ, популярно название – руска класическа литература. В продължение само на един век тя дава на света ненадминати творци, колоси на художествената мисъл. Достатъчно е да бъдат изброени

титаните: Пушкин, Лермонтов, Гогол, Некрасов, Тургенев, Толстой, Достоевски, Чехов...

Огромното значение на руската класическа литература се корени в нейните характерни особености. Тя винаги е тясно свързана и с народната съдба и с общественно-политическите тежнениа на епохата си. Нещо повече, класиците на руската литература поемат ролята на духовни и идейни лидери. Те проявяват висока отговорност не само пред народ и родина, но и пред цялото човечество. Руският творец от XIX век не само отразява и претворява художествено живота, но препредава философските си прозрения, трансформира личните и частни проблеми в общочовешки. Творбите на класиците съвместяват проповед, философско очакване и морално търсене, отбелязва Н. Ралчева: “«... реализмът на обкръжаващия свят се съчетава с крайния индивидуализъм на описанието на вътрешния духовен свят на човека» [7, с.192].

Великият руски класик Иван Сергеевич Тургенев заема особено място в българската история. Неговият творческият кръгзор спомага в младата българска интелигенция да се формира естетическа култура, която на свой ред да решава важни проблеми на националното ни развитие. Живият интерес и съпричастност на писателя към съдбата на българите обуславя специалното им разположение към автора на *В навечерието*, *Крокет в Уиндзор* и др. Това улеснява рецепцията на Тургенев в България.

За рецепцията на Тургенев е писано много, вж. [1], [5], [3], [4]. В рецепционен план са изяснени тематиката и жанра, етапите, проникването и възприемането, особеностите на превода и пр. Обаче рецепцията на руската литература от XIX век за деца (в т.ч. и рецепцията на Тургенев) е проблем, който е слабо изследван. Най-общо рецепцията се движи в сферите на оригиналния текст, превода и възприемателя. Подборът на преводната творба е необходимо да бъде обвързан с възрастовите особености на детето, с неговите интереси, продиктувани от времето, в което живее. Преводът, адресиран пряко към детето, освен, че трябва да е точен проводник на идеите на автора, трябва и да бъде адаптиран към детската психика и особеностите на детското мислене и възприемане. Особеното при рецепцията на детската литература е, че моделът на

преводната комуникация се усложнява, защото детето не винаги е пряк реципиент на преводната творба. Появяват се спомагателни звена – учители, родители, които със своите вкусове, предпочитания, нагласи от различно естество оказват съществено влияние върху възприемането на чуждата литература.

Детската литература прониква по рецепционни канали, които пряко я отвеждат в българското училище. Тя не може да се разглежда независимо от училището и развитието на педагогическата мисъл. Характерът на руските текстове също спомага за това. Ето защо като първи етап в рецепцията на даден автор се обособява именно учебникарският: руската класика от XIX век битува главно в школските учебници. В България този етап е продължителен и много значим.

Имайки предвид обвързаността на литературата с историческото развитие на страната ни, в което винаги – в по-голяма или по-малка степен е присъствала Русия, при анализа на присъствието на творчеството на отделни руски класици, е уместно разглеждането на периоди на тяхната рецепция. Илиана Владова откроява пет периода на рецепцията на Тургенев [1, с. 97]: 1. От Възраждането до Освобождението ни от турско робство; 2. От Освобождението до края на XIX век; 3. 20-те години на XX век; 4. Между двете световни войни; 5. От 1946 до 1989 г. В общи линии периодите на проучване би следвало да бъдат съобразени с етапите на развитие на българската литература. Стриктното спазване на етапите при определяне на периодите на изследване не са от първостепенно значение при рецепционното проучване като цяло. В обзора на учебникарския корпус присъствието на Тургенев ще бъде търсено в следните шест периода³: 1. До Освобождението на България (до 1978)⁴; 2. От Освобождението до Първата световна война (1978-1914); 3. Между двете световни войни (1914-1939); 4. По време на Втората световна война (1939-1944); 5. По време на социализма; (1944-1989) 6. След демократичните промени (след 1989).

³ Леките корекции се налагат от изследователски интерес.

⁴ Долна граница на периода – Българското Възраждане

Първият период е свързан с най-тежките години от историята на България – турското робство. Това е време на османски гнет, на национално-освободителни борби и надежди. Време, през което българският народ се събужда и издига своя глас за независима българска църква, за светско училище, за национална независимост.

Изборът на преводните произведения през разглеждания период се определя от внесените от Русия книги, а също така от възможността за тяхното приспособяване към нуждите на тогавашното обществено и културно развитие на България и, най-вече на училището. Българските преводачи много често използват широко разпространените по това време христоматии - на Галахов, Филонов, сборникът на Курганов. Издават се родни буквари, читанки, голяма част от които се печатат извън страната и са съставени по руски образци. Създава се възможност за навлизане на руски текстове и автори в учебникарския корпус. Присъствието на руската литература от XIX век се свързва с няколко читанки⁵: *Смесена китка*⁶ на П. Р. Славейков, читанката на Павел Калянджи *Другар за децата*⁷, *Кратка читанка*⁸ на П. Р. Славейков, *Детинский свят*⁹ на Драган Манчов. *Смесена китка* има по-особен статут. От една страна, тя е публикувана във възрожденската периодика, но от друга е предназначена за школна употреба. От руската литература в нея са включени преводи и преработки на стихотворения от А. С. Пушкин, К. Батюшков, една басня на Крилов. Читанката на Калянджи представя по един текст на Велтман, Б. Фьодоров и Ал. Колцов. В кратката читанка на П.Р. Славейков се промъква една басня на Крилов в превод на съставителя и без посочено авторство.

⁵ От тук нататък читанките и христоматиите ще бъдат цитирани вътре в текста, тъй като играят ролята на изворов материал и биха усложнили излишно библиографията.

⁶ Смесена китка или годишно периодично списание. Година I. Стрък А. Букурещ, 1852

⁷ Другар за децата. Нареден от Павла Калянджи, Одеса, 1863.

⁸ Кратка читанка от П. Р. Славейкова. Цариградъ въ печатницата на Македония, 1869.

⁹ Детинский свят на Драган Манчов. Книга за четене в клас. Приспособена за постепено умствено упражнение и на нагледно запознаване с предметите на природата. Книжарница Д. В. Манчов, 1875

Детинский свят предоставя на читателя текстове на Велтман, Вл.Яковлев, Н.Карамзин. Никъде в читанките не се среща името на Тургенев. Това обаче не означава отсъствие на рецепция по други канали. Просто, стартът на рецепцията се характеризира с възрожденски дух и със сравнително стихийно натрупване при избор на текст.

След Освобождението на България от турско робство през 1878 година страната ни навлиза в нов, важен период от своето развитие в политическия, стопански и културен живот, който се характеризира с нови събития и процеси във вътрешното развитие, а така също и в международните отношения и връзки. Това рефлектира върху цялостния политически, културен и идеен живот [2, с. 126]. Излизащата от тежко робство държава се нуждае от създаването на образователна система, която да удовлетворява културно-просветните, социално-икономическите, политическите и идеологическите потребности на новото българско общество. В първоначалното училище се набляга главно върху възпитателните, а в следващите степени – върху образователните функции на училището. Това оказва влияние и върху присъствието на чуждите писатели, в т.ч. и на руските в учебникарската книжнина и текстовия корпус. Ето защо обикновено в читанките не се срещат чужди автори. Тяхната поява е обусловена от образователните нужди на класните училища и те присъстват в христоматиите, предназначени за тези училища и гимназиите.

Тематиката при Тургенев, а именно: правдиво изобразяване на действителността; силата на родителската любов; красота на природата (детето трябва да се радва на света); смисъл на човешко съществуване; предназначение на човека; мимолетност на живота; интерес към съдбата на българския народ, е благоприятна за детето-реципиент. Неговите произведения съдържат огромен заряд от общочовешки ценности, които оказват силно въздействие при възпитанието на детето и при формирането у него на естетически вкус и нравствени критерии. Ето защо, Тургенев е предпочитан от съставителите на христоматии.

За откриване на присъствието на Тургенев в учебникарската книжнина през втория период (1878-1914) са подбрани 7

христоматии: *христоматии за първи клас, втори и трети клас* на Иван Пеев (издадени съотв. 1905, 1909 и 1897 г. от книжарницата на Д. Голов¹⁰; *Христоматия за трети клас* на Иван Дорев (С., Придворна печатница, 1910); *Христоматия за долните класове на гимназиите и общинските класни училища* Д. Мишев и Ст. Костов (Пловдив, изд. и печат Хр. Г. Данов, 1895); *Малка христоматия или сборник от разни творения за II и III клас на гимназиите и трикласните общински училища*, с автор Д. В. Манчов (Пловдив, Книжарница и печатница на Д. В. Манчов, 1889); *Българска христоматия или сборник от избрани образци по всички родове съчинения за в класовете на градските училища и на реалните гимназии* (Книжарница на Д. В. Манчов, Пловдив, Свиштов, Солун, 1884)¹¹.

Христоматията за I клас, съставена от Иван Пеев, съдържа общо 87 текста. В нея фигурира само един руски текст – на Толстой, който е с нравствено-поучителен характер: *Малкото дяволче и човекът*. Христоматията за втори клас от същия автор съдържа 109 текста, като броят на руските автори нараства на 4. Наред с *Паяк и пчели* на Плещеев, *Майчина песен на Лермонтов* и *Мъртво море* на Елисеев се появява *Врабче на Тургенев (с. 148)* в превод на Е. Каравелова. В христоматията за III клас на Пеев от общо 99 текста 6 са преводи от руски език. От авторите: Норов, Колцов, Смирнов и Лермонтов, само Тургенев е представен с две творби: *Родителска любов*¹² (с. 2) и *Глупак (с. 83)*, прев. Е. Каравелова). В Христоматията на Дорев, произведенията на руски автори съставляват 17,4% от всички текстове. Тук откриваме и едно от емблематичните произведения на Тургенев *Бежин луг (с. 122)*. Христоматията на Мишев и Костов обхваща четири раздела: «Приказки, къси разкази и стихотворения»; «Басни и пословици»; «Повествования»; «Описания». Във всеки от разделите има присъствие на руски автори. В последния раздел откриваме две произведения на Тургенев: *Вечер (с. 114)* и

¹⁰ В Христоматията за трети клас е посочено изд. и печат на Д. В. Манчов;

¹¹ Христоматиите са подредени в посока на нарастване на възрастта, тъй като въпросът за присъствие на руските текстове в учебникарската книжнина е свързан с възрастовите особености на учениците.

¹² Става въпрос за побългарено заглавие на „Воробей”

Свечеряване (с. 116). Съставителите имат определено предпочитание към Толстой - (40%) и Тургенев (20%). Останалите текстове са на Пушкин, Колцов, Карамзин, Аксаков. В Малката христоматия на Манчов Тургенев отсъства, затова пък в Христоматията на Вазов и Величков е представен с откъс от романа *В Навечерието* (*В предвечерието, Тургенев Елена и Инсаров*, с. 358).

От всичките седем разгледани за периода христоматии, Тургенев не присъства само в две от тях; в две от христоматиите е представен с две творби, в други две – с една, а в Христоматията на Вазов и Величков освен откъса *от В навечерието* издателите предлагат и биография на твореца.

С най-голяма честота в христоматиите се открояват шестима руски автори. Сред тях е Иван Сергеевич Тургенев. Включените текстове на руските писатели с най-интензивно присъствие представляват като брой около половината от всички руски текстове. Относителната честота на произведенията на тези автори се вижда от таблицата и кръговата диаграма:

Таблица 1. Присъствие на руските автори в христоматиите от II период

Руски автор	F %
Пушкин	32,56
Лермонтов	18,6
Тургенев	16,28
Толстой	13,95
Карамзин	11,62
Гогол	6,98

Третата позиция на Тургенев е показателна за мястото на писателя в учебникарската книжнина в рамките на II период. Нещо повече, той заема лидерското място по отношение на присъствието в брой руски христоматии - 5. Следва Лермонтов – в 4, Пушкин, макар и с по-голям брой текстове е представен в три от христоматиите и т.н. Явно Тургенев е любим автор на съставителите на учебници.

Третият период (между двете световни войни 1914-1939 г.) е белязан с тежки катаклизми. България обаче успява да излезе от Втората национална катастрофа и това рефлектира с положителен знак върху детската литература, чийто възход се наблюдава през 30-те години. За първи път е осъзната необходимостта от тази литература от страна на държавата. В популяризирането на произведения за деца, включително и преводни се включват голям брой изтъкнати писатели и издатели; издаваните книги стигат до детето-читател. Най-голямо внимание следва да се обърне на това, което децата са задължени да четат, а именно на читанките и христоматиите.

За проследяване на присъствието на Тургенев в потока на преводна руска литература са подбрани 1 читанка и 6 христоматии: *Христоматия за III прогимназиален клас*. Съст. Ив. Дорев, Придворна печатница, С., 1916; *Христоматия за II прогимназиален клас*. Съст. Ив. Дорев, Придворна печатница, С., 1916; *Христоматия за II прогимназиален клас*. Съст. Д. Мирчев, Кооперативна печатница Изгрев, Плевен, 1926; *Христоматия за I клас на народните прогимназии*. Съст. В. Думев и Ст. Димитров, Факел, С., 1926; *Читанка за IV отделение*. Съст. Г. Дочев, Ново училище, С., 1929; *Христоматия за I клас на прогимназиите*. Съст. Н. Райнов, Д. Койчев, Ст. Атанасов, С., 1932; *Христоматия за I клас на прогимназията*. Съст. Ив. Хаджов, А. Атанасов, Т. Атанасов, Т. Ф. Чипев, София, 1939.

В периода 1914 – 1939 г. учебникарската книжнина се налага като основен рецепционен фактор. В нея присъствието на руските класици от XIX век е значимо. Общо за христоматиите в периода може да се каже следното. От руските автори с най-голям брой творби са Л. Н. Толстой и М. Ю. Лермонтов. Наблюдава се голямо многообразие от руски автори – общо 19 на брой в разглежданите

христоматии. Лев Толстой участва с 6 четива, следван от Лермонтов – 5 и Балмонт – 3. Пушкин, Чехов, Тютчев, Тургенев, Плещеев и Мамин-Сибиряк са представени с по две четива. Най-многобройни са руските автори, представени с по едно четиво – Гогол, Фет, Полонски и др. В общи линии през третия период преводните руски творби в христоматиите са по-малко като обем. Част от авторите се запазват, други изчезват, а на тяхно място се появяват нови. Както и при други автори, тенденцията за намаляване на броя на произведенията се проявява и при Тургенев. Авторът е представен с две от емблематичните си произведения – *Воробей*¹³ и *Бежин луг*¹⁴, познати на читателя от периода след Освобождението.

IV период (По време на Втората световна война – 1939-1944) е най-силно белязан от историчността. Военните условия налагат изтегляне към националното, родното, патриотичното, което затруднява рецепционните процеси. Политическите условия и, в частност, законите в областта на образованието довеждат до рязък спад в присъствието на руската литература в учебниците.

Присъствието на руски автори е търсено в 4 читанки и 5 христоматии¹⁵. В нито един учебник не е открито произведение на Тургенев. Нещо повече – за първи път в българските читанки и христоматии отсъстват руски автори. В Буквар и първа читанка на Близнаков е идентифицирано стихотворението на Лермонтов *Майчина песен*, но авторството е приписано на П.П. Славейков. По същия начин в Христоматията на Барутчийски баснята *Орел, рак и щука* на Крилов е представена сред творчеството на П.Р. Славейков. «Промъкването» на Крилов и Лермонтов е факт, който се обяснява с релацията «чуждо-свое».

В процеса на издирване беше открита и една прекрасна христоматия на Кира Пехливанова [8, с. 126]. Христоматията има по-общ адресат, а именно, изучаващите руски език, а също така и начинаещите. Вероятно е била използвана в учителски институти или

¹³ Вrabче. В Христоматия за I клас на прогимназията, с. 85

¹⁴ Бежина лъка. В читанката на Дорев за III клас, с. 220

¹⁵ Буквар и първа читанка на Т. Близнаков, Читанки за II, III и IV отделение на Разцветников, Елин Пелин, Ц. Цветанов; христоматии за I, II и III прогимназиален клас

горните училищни класове. И.С. Тургенев е представен с 2 произведения: *Два помещика*; *Отцы и дети*. Една от трите статии за руски писатели е за Тургенев¹⁶.

Времето на социализма (V период-1944-1989) е белязано от идеологически промени. В областта на литературата социалистическият реализъм се обявява за единствен художествен метод, а комунистическата идейност – за висш принцип в творчеството на българските писатели и литературни критици. Особеностите на периода рефлектират и върху преводната литература. Превеждат се предимно съветски автори. Рецепцията на руската класическа литература в известна степен е затруднена. Израз на този неблагоприятен факт е и съдържанието на българските читанки и христоматии. Разгледани са 6 читанки и 3 христоматии. И.С.Тургенев е представен само с *Врабче* в читанката за втори клас на Йорданов¹⁷.

Изследването на битуването на руските писатели в посочените читанки и христоматии показват количествени данни нанесени в таблица 2, в която са отразени: честотата на поява на текст в учебниците – f ; броят на различните четива от всеки автор – n ; и броят на читанките, в които фигурира авторът – n_y ; пресметнати са и съответните проценти.

Таблица 2. Руските писатели от XIX век в учебниците от V период

Писател	f	n	n_y	f%	n%	$n_y\%$
Л. Н. Толстой	9	6	6	32.14	26.09	66.66
И. А. Крилов	8	6	6	27.59	26.09	66.66
К. Д. Ушински	6	5	2	17.86	21.74	22.22
А. П. Чехов	2	2	2	7.14	8.70	22.22
И. С. Тургенев	1	1	1	3.57	4.35	11.11
В. М. Гаршин	1	1	1	3.57	4.35	11.11
В. Н. Данченко	1	1	1	3.57	4.35	11.11

¹⁶ Останалите две са за Гончаров и Островски.

¹⁷Йорданов, И. Загорова, Ч. Читанка: За II клас на общообразователните училища. С., Народна просвета 1971.

Като цяло броят на представените руски класици и техните творби значително намалява. В сравнение с предишните два периода, през V период естетическата линия до голяма степен отстъпва място на типичната дидактична литература.

Що се отнася до специализираните руски училища, там руският език се учи още от първи клас много интензивно. Използват се руски хрестоматии и учебници. За една, макар и малка част от българските деца руските пособия се явяват рецепционен канал. От друга страна тези пособия са ценни и със селекцията на произведения на руската класика като детски, осъществена в Русия. Така например в *Родная литература: Учебник – хрестоматия для 6 класса*. Москва, Просвещение, 1987 Тургенев е представен с *Бежин луг. Русский язык. Учебник для 4 класса*¹⁸ се използва за учениците от 5 клас на българското училище с преподаване на руски език през 90-те години и съдържа 695 упражнения в различни граматически категории. След цитираните текстове в упражненията са посочени техните автори. Тургенев е на второ място по честота на поява като автор. Включени са откъси от *Записки охотника, Бежин луг, Дворянское гнездо*. Подобна е и картината в учебника за 5-6 клас¹⁹. Най-често се срещат А. С. Пушкин и И. С. Тургенев. Текстове на Тургенев са от *Свидание (Записки охотника), Муму, Записки охотника, Бежин луг*. Упражненията са върху синтактичен разбор, интериор, прилагателно, запетая, глагол, деепричастие, междуметие.

Потърсихме руски автори и в някои учебни помагала. Приятно ни изненада книгата на Искра Котова и Лилия Дъбова – *Преразказът текстове и задачи IV – VII клас*, издадена през 1994 г. от издателство Ариадна, София. Открихме *Врабче* на И. С. Тургенев. След текста са поставени въпроси и задачи, които насочват учениците към правилно разбиране на идейните послания на автора и съставянето на преразказ. Биографията на Тургенев е предадена с акцент върху значението на автора и най-важните му произведения.

¹⁸ Т. А. Ладыженская и др. Русский язык. Учебник для 4 класса. М., Просвещение, 1984.

¹⁹ М. Т. Баранов и др. Русский язык. Учебник для 5-6 классов средней школы. М., „Просвещение“, 1987.

След 1989 година (VI период – на демократичните промени) започва активен процес на европеизация на българската културна политика. Борбата с деидеологизацията е свързана с редица процеси, които водят до необмислени постъпки и обобщения. На тази основа често се отрича всичко руско, а западната литература се фетишизира. Рецепционните процеси от година на година стават все по-трудни.

В две читанки и 4 христоматии за началните класове, издадени в периода 1990 - 2001 г.²⁰ са представени само трима руски класици: Пушкин, Лев Толстой и Крилов. Към момента картината не се е изменила значително. Все пак при прегледа на последните издания бе открита приятна находка. В Читанка за втори клас²¹ по учебната програма за 2018/2019 г. на издателство Булвест 2000 попаднахме на *Врабец* от Тургенев. Във всички останали читанки²² (две за първи, три за втори, четири за трети и две за четвърти клас) не беше открито името на големия руски класик.

В примерното годишно разпределение по учебника на Т. Борисова, Н. Димитрова, С. Бенчева за тематичната единица *Врабец* са посочени твърде общи компетентности като очаквани резултати от обучението: Развитие на интереси към природата, познавателни способности. В предвидения урок за упражнение към темата като компетентност е посочено разграничаване на текста от фолклорните творби. Може би тук по-удачно би било изясняване на понятието «стихотворение в проза», като акцентът се постави върху света на чувствата и личното преживяване. В контекста на дейности се търси откриване на образа и описанието на героя, изразително четене. Текстът е илюстриран с рисунки, към които са зададени два въпроса. Други два от въпросите кореспондират пряко с текста. Фигурира и въпрос, отнасящ се до пренос на случката в познати на децата

²⁰ Читанка: За I клас на ЕСПУ С., Народна просвета, 1990; Читанка: За II клас на СОУ С., Просвета, 1991; Христоматия по литература: За учениците в началните класове. С., Милчо ММ, 1993; Христоматия: Литературен калейдоскоп: Сборник художествени текстове за допълнително четене – III клас, С., Труд 2001; Христоматия Литературна стълбица: Сб. художествени текстове за допълнително четене за IV клас. С., Труд 2001.

²¹ Съставители: Т. Борисова, Н. Димитрова, С. Бенчева

²² Читанките са функциониращи в момента и са на издателства Просвета, Булвест, Рива.

ситуации. Последните два въпроса са с избираем отговор относно качествата на черногръдият врабец и кучето. След това идва майсторството на учителя, чиято цел е да пробуди възприемателския интерес към великия художник на словото Тургенев. Това може да се постигне чрез снимков материал, презентация на кратка биография на твореца. Важно е да се изясни идейно-смысловото съдържание на произведението и на тази база да се възпитават децата в нормите на морала и нравствеността. Те трябва да достигнат до главната мисъл, която внушава Тургенев, а именно: любовта е велика сила, която побеждава смъртта; по-силна от смъртта, тя движи живота.

За рецепцията на Тургенев в учебникарската книжнина от особено значение е качеството на превода. Преводачът е транслатор на оригинала, посредник между автора и възприемателя. Особено трудна е работата на преводача на детска литература, защото детето няма познания по теория на превода, то не обръща внимание на качеството на превода, а на смисъла. Преводачът изминава пътя от четене за себе си към четене за детето – през неговия поглед, в съответствие с конкретната социална културна и комуникативна ситуация. Особено трябва да се внимава при превода на детската литература за едно компромисно решение в дуалистичното схващане за превода - това на смисъла и това на буквата (знака). Възникват въпроси, свързани с адекватността на превода, на които не може да се даде окончателен отговор, защото преводът е творческа работа и това предполага търсене на нови пътища и решения.

Ще се спрем на особеностите на превода на двете най-срещани в учебниците творби на Тургенев *Бежин луг* и *Воробей* [9, с. 142].

Преводът на *Бежин луг* в хрестоматията на Дорев (II период) е с много съкращения. Това се налага от характера на изданието, но изключването на повечето от прекрасните пейзажни описания намалява естетическото въздействие на оригинала. Не е преведена и бележката на Тургенев, че в поверието за Тришка се има предвид сказанието за антихриста. Пропуснати са и по-подробното описание на момчетата и някои от страховитите приказки в разказите им. Преводачът е съумял да пресъздаде настроението на хармония, спокойствие на тиха радост. На читателя е спестен преводът на последното изречение за смъртта на Павел, който е паднал от коня.

За превода на същото произведение в читанката на Дорев за III клас, но в следващия период Ил. Владова [1, с. 100] отбелязва следните моменти в превода на П. Желев: копиране на чуждите конструкции; долавяне и пресъздаване на народно-разговорната струя, характерна за повествованието на оригинала; предлагане на функционален еквивалент на *луг – лъка*

Преводът на *Врабче* в читанката на Йорданов (V период) се характеризира с достъпен за детето език; свобода в описанието (напр. добавеното *радостно махаше с опашка*, което липсва в оригинала) известни съкращения в описанията на врабчетата, което води до снижаване на осезаемостта; пряко назоваване на родителската любов (в оригинала *сила*; липсват последните два абзаца, в които писателят прави силни обобщения за родителската любов. Преводът в читанката на Борисова (VI период) в общи линии има същите особености. Описанието на врабчетата е предадено по оригинала, следва се авторското определяне на родителската любов като *сила*, но и тук липсва епиграфът. Най-пълно следване на оригиналния текст има при А. Каралийчев [6], но този превод не е предпочетен в учебникарската книжнина.

Общата тенденция за непосочване на преводача се проявява с особена сила при Тургенев. От 11 «посещения» на страниците на читанките и христоматиите 9 от текстовете са с непосочен преводач (81.81%). Единствено в христоматията на Пеев за III клас (II период) е посочена като преводач Е. Каравелова. В сравнителен план за втори и трети период средният процент за непосочени преводачи от руски е съответно 63,33% и 57,55%, докато при Тургенев тези проценти са 71,43% и 100%. По този начин в рецепционен план се подценява ролята на преводача в комуникативната верига.

За рецепцията на Тургенев в учебникарската книжнина най-важно е детето-възприемател. Болезнен проблем е отчуждението на съвременното дете от книгата. В едно проучване свързано с дисертационния ми труд, се оказва, че голяма част от четвъртокласниците не познават Тургенев и неговите произведения. Това е жалко – децата да се лишат от това, което им дава великият творец – естетическите и нравствени ценности, поднесени като химн на любовта и единение с природата. А иначе в учебникарската

книжнина рецепцията на Тургенев е сравнително плътна. Представен е с 6 различни текста. От 40-те разгледани читанки и христоматии изборът в 9 от тях е попаднал на великия майстор на словото. За съжаление, както за цялата руска класика, така и при Тургенев рецепционните процеси постепенно затихват. Да се надяваме, че здравият разум няма да ни го позволи.

Библиографически списък

1. Владова Ил. И.С. Тургенев. В: Преводна рецепция на европейските литератури в България (Руска литература) т. 2, съст. И. Владова и др. С., АИ «Проф. Марин Дринов», 2001.
2. История на България. том 7, БАН, С., 1991.
3. Метева, Евдокия. Руската литература в българското й преводно битие. В: Преводна рецепция на европейските литератури. Руска литература т. 2 съст. И. Владова и др. С., АИ «Проф. Марин Дринов», 2001.
4. Николова, М. Рецепция на руската литературна класика в България (1878-1912) автори-издатели-читатели, Пловдив: Народна библиотека «Иван Вазов», 2009.
5. Ничев, Б. Славянската литературна рецепция в историята на българската литература. В: Славянските литератури в България: Проблеми на рецепцията: (Сборник)/ Състав. Боян Ничев; Редакц. колегия Боян Ничев и др., С., Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1988.
6. Разкази и приказки от руски писатели класици. С., Народна младеж, 1952. Прев. Ангел Каралийчев
7. Ралчева, Николета. Психологическият заряд на художественото съдържание на текста и негово въздействие на съвременния човек в контекста на преподаването на руския език в България. В: Междукултурната комуникация и руските литературни модели. София: Форум «България – Русия», 2006.
8. Пехливанова, К. Руска христоматия: С исторически, литературни и биографични бележки I част, С., 1940.
9. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 3. и т 10, М., «Наука» 1982.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Манчев Владимир Симеонович
доктор филологии, гл. ассистент
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: v.manchev@abv.bg

Manchev Vladimir Simeonovich
Chief Assist., Ph.D.
Sofia University St.Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: v.manchev@ abv.bg

Солнцева-Накова Екатерина
Васильевна
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского
Болгария, г.София
e-mail: solnceva@yahoo.com

Solnceva-Nakova Ekaterina
Vasilevna
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: solnceva@yahoo.com

В.С. Манчев, Е.В. Солнцева-Накова
**О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА КАК ФЕНОМЕНА
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация: Авторы статьи рассматривают специфику перевода как феномен межкультурной коммуникации, основанный на понимании языка как компонента культуры. Это делается в контексте публикаций по общим проблемам межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация

V.S.Manchev, E.V.Solnceva-Nakova
**ABOUT THE TRANSFER SPECIFICITY AS AN INTER-CULTURAL
COMMUNICATION PHENOMENON (ON THE EXAMPLE OF THE
RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGE)**

Abstract: The authors of the paper examine the specificity of translation as a phenomenon of intercultural communication based on the understanding of language as a component of culture. This is done in the context of publications on general problems of the intercultural communication.

Keywords: translation, intercultural communication

На протяжении последних лет все больше исследователей проявляет интерес к переводческой деятельности, которая является основным средством межкультурной коммуникации.

Под влиянием концепций межкультурной коммуникации западных ученых К. Гирца, В. Гудикунста, Г. Триандиса, Э. Холла, Г. Хофштеде в 1990-е гг. в науке произошел стремительный рост интереса к исследованию различных проблем межкультурного взаимодействия и диалога культур. Среди публикаций по общим проблемам межкультурной коммуникации следует выделить работы Т.И. Астафуровой, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Л.В. Куликовой, О.Л. Леонтович, Ю.Е. Прохорова, Ю.А. Сорокина, И.Л. Стернина, В.П. Фурмановой.

Системный подход в изучении межкультурной коммуникации, включающий в себя психологический, социальный, культурологический, аксиологический и другие аспекты, представлен в работах Н.Л. Лысенко, Ж.Л. Верховской, Л.И. Гришаевой, В.Г. Зинченко, Н.К. Иконниковой, И.В. Наместниковой, Т.Н. Персиковой, В.Е. Черниковой, П.В. Янкиной.

В современной культурологии вопросы динамики культурных изменений и тенденции формирования новых направлений культурной динамики рассмотрены в трудах А.С. Ахизера, К.Х. Делокарова, В.К. Егорова, И.В. Кондакова, Л. Н. Москвичева, А.А. Оганова, Н.А. Хренова.

В настоящее время весьма важный теоретический и методологический вклад в философско-антропологическое и культурологическое исследование проблемы взаимодействия и взаимопонимания культур вносят российские ученые А.А. Велик, В.В. Кочетков, Н.М. Лебедева, Е.А. Сайко, З.В. Сикевич, Н.Г. Скворцов, Т.Г. Стефаненко.

Как известно, перевод – это процесс замещения текста на одном языке текстом на другом языке. Разумеется, текст не является простым набором элементов: даже одни и те же (или сходные) слова и выражения могут иметь разные значения, вызывать разные эмоции и ассоциации у носителей двух, пусть даже близких, языков. Поэтому переводить надо, образно выражаясь, дух текста, а не его букву. Переводчик должен уметь видеть второй план (эстетический,

исторический, этнокультурный), а не отдельные предложения и слова. В наибольшей степени это относится к художественной литературе. Поэтому при переводе художественного текста столь необходимо быть знакомым как с культурой исходного языка, так и с культурой языка перевода.

Термин «межкультурная коммуникация» был введен американским специалистом в области культурной антропологием Э. Холлом в 1954 г., написавшем в соавторстве с Д. Трагером книгу «Культура как коммуникация». В то же время он определил межкультурную коммуникацию как особую и перспективную область научных исследований и практического обучения. В сфере лингводидактики впервые определение термина «межкультурная коммуникация» сформулировал академик В.Г. Костомаров: «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Костомаров 1999: 26].

Известный французский языковед Жорж Мунэн еще в 1963 г. отмечал тот факт, что в языке отражаются особенности культуры и истории говорящего на нем народа [Mounin 1963: 26]. Своеобразие любого языка отражает в известной мере своеобразие исторических судеб, жизни и быта того народа, который является творцом и носителем этого языка. Иными словами, каждый язык должен рассматриваться не только как продукт – атрибут сознания, но и как феномен культуры. Трудно не согласиться с тем, что в истории каждого народа общее сочетается с особенным, причем и то и другое находит отражение в языке. Следовательно, перевод можно и нужно рассматривать как диалог культур. В процессе перевода необходимо передать культурно-этнические особенности народа, с языка которого мы переводим, особенности его исторического пути и народопсихологии.

Говоря о переводе как о феномене межкультурной коммуникации, представляется необходимым дать определение двух основополагающих понятий – культуры и коммуникации.

Для более ясного представления о сущности такого феномена, как культура, обратимся к словарям. Согласно электронной версии «Краткого философского словаря» культура представляет собой

«специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. В понятии культуры фиксируется как отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни (в этом смысле часто противопоставляется природе), так и качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности на разных этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, этнических и национальных общностей. Также означает уровень совершенства того или иного умения и др. Понятие культуры часто используется как синонимичное понятию цивилизации, но иногда противопоставляется ему» [<http://phenomen.ru/public/dictionary.php?article=400>].

В свою очередь коммуникация – это «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.; передача того или иного содержания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях. Как в науке., так и в других сферах (напр., в искусстве, литературе, бытовых или производств. отношениях) культура представляет собой социальный процесс, отражающий общественную структуру и выполняющий в ней связующую функцию.

Проблема культуры получила наиболее развёрнутую разработку в рамках науковедения, где количественно и качественно исследованы такие формы культуры, как публикация, дискуссия, интеллектуальное влияние и т. п. Научная культура представляет собой функциональную подсистему в рамках системы движения научной информации (общение членов одного коллектива или «невидимых колледжей» для получения нового знания, соавторство, передача добытой информации специалистам, популяризация, практического использование знаний путём их сообщения в инженерно-прикладную сферу)» [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/543/КОММУНИКАЦИЯ].

Трудности, возникающие при осуществлении межкультурной коммуникации в процессе перевода могут быть связаны, например, с передачей топонимов, причём следует особо подчеркнуть, что топонимия, являясь неотъемлемой частью лингвокультурной

информации, представляет собой несомненный интерес с точки зрения как теории, так и практики перевода. Вступая в контакт с другими народами, расселившиеся на обширной территории, славянские племена усваивали наряду с иной лексикой и географические названия. В качестве примера можно привести турцизм *Джендеми*, проникший в болгарский язык в период османского владычества:

Срв.: «Жени тук, сред *Джендемите* – помисли си той, – и това е добра плячка!» [Йовков, 1979:210]

«Женщины здесь, сред *Джендема* - подумал он. – Чем не добыча?

В приведённом выше примере передачи болгарского топонима турецкого происхождения *Джендеми* межкультурная коммуникация едва ли состоялась, так как читателю перевода данная лексема ничего не говорит.

В свою очередь в русском языке бытует определённое количество угро-финских топонимов, таких как *Песь*, *Насва*, *Тосно*, *Валдай*:

«В тех краях продолжается путь,
Где когда-то, беспечно болтая,
Колокольчик – легенда *Валдая*
Волновал утомлённую грудь...»
[Куняев 1988: 195]

Данное обстоятельство можно объяснить активными контактами части восточнославянских племён с финскими племенами.

Специфика языковых единиц, несущих культурную информацию, именно в том и состоит, что они заключают в себе и существенные историко-культурные сведения. Поскольку, несмотря на общность окружающего нас мира, у каждого народа существуют свои специфические предметы быта, традиции, явления истории и культуры для выражения которых, соответственно, нужны особые слова (которые принято называть реалиями) и словосочетания (разложимые и неразложимые). В качестве примера можно привести

лексему *квас*, обозначающую национальный русский напиток, аналогов которому нет ни в одной другой стране:

« – Дай мне *квасу!* – сказал Илья Ильич» [Гончаров 1979: 73]

Или *берёзовый сок*:

«...И родина щедро поила меня *берёзовым соком*» (из песни)

А также болгарское неразложимое сочетание *гюлово масло* (*розовое масло*), известный на весь мир продукт, получаемый из лепестков масляничных роз, являющийся сырьём для парфюмерной промышленности не только Болгарии, но и Франции и других стран:

«–Донесох във вашата Прага малко *гюлово масло* – ей го тука, в дисагите».

«–Привез в вашу Прагу масла розового малость... тут оно у меня, в сумках.»

[Константинов 1984: 59]

Общеизвестно, что лексема является не только носителем актуального сведения, используемого в повседневном общении, но и обладает способностью аккумулировать информацию историко-культурного плана. Так, например, заметные следы в языках русских и болгар оставило духовное и культурное общение с Византией, причём главным образом это относится к богослужебной и теологической терминологии (нпр.: *акафист, антимнис, икос, ирмос, кондак, дискос, иерей, протоиерей, митрополит, патриарх* и др.). Следует заметить, что византийское влияние не могло не отразиться и на государственном устройстве Руси, распространившись даже на обрядную и символическую сторону власти:

«На царе были *бармы* и отцовские, – ему едва не по колена, – золотые ризы»

«Царят беше с *барми* и с бащиното си – кажи-речи, до коленете му – златно рухо»

[Толстой 1974: 1, 142]

Не менее судьбоносными, но имевшими уже явно отрицательный характер, были контакты обоих славянских народов с тюркскими племенами. Двухсотлетнее татаро-монгольское иго

существенно замедлило процесс культурного и экономического развития

Руси. С тех далёких времён в русском языке сохранились слова преимущественно из области военной и бытовой лексики (нпр.: *аркан, колчан, турус, хан, ярлык, арба, сундук* и др.). Вместе с тем в русский язык перешло известное количество пословиц и иных фразеологических единиц.

Был создан однако и ряд русских ФЕ, отражающих отношение порабощённого народа к завоевателям (нпр.: *как Мамай прошёл*, т.е. «ничего нет; всё пусто; всё разграблено и сожжено»; *мамаево побоище* в значении «ужасный беспорядок; полный разгром»; *Незванный гость хуже татарина* и др.). Подобного рода процессы, имевшие место на той или иной стадии развития языков, обязательно следовало бы учитывать при переводе:

« – Уйди, *орда!* – и стал наматывать бархат на свои грязнейшие прелые лапы...»

«– Дръпнете се, *татару!* – и взе да намотава кадифето на безкрайно мръсните си вмирисани ходила...»

[Шиншков 1976: 1, 42]

Рассматривая этот вопрос, надо было бы подчеркнуть, что ещё более драматичным было пятивековое турецкое иго в Болгарии, его тяжёлые последствия сказались во всех областях жизни болгарского народа. Неудивительно поэтому, что в болгарском языке сохранилось множество турцизмов, без которых практически невозможно представить себе ни одно произведение художественной литературы, описывающее период турецкого владычества. Аналогичным образом обстоит вопрос и с народным творчеством, а также с такими жанрами литературы, как исторический роман и хроника-описание исторических событий, где для воссоздания колорита эпохи особенно часто используется лексика турецкого происхождения, понятная современному болгарскому читателю, но недоступная без специального перевода или объяснения русскоязычному читателю (напр.: *кърсердар, заптие, пехливан, донанма, алтън, кушия, конак, бабаит, спахия* и др.):

«Измаил бе казал, че «веднъж жени син», а това означаваше, че ще вдигне сватба, каквато се полага на човек с неговото положение: с *пехливанлъци*, *кушии*, награди, с море от шербети и *донанши*» .

«*Бабаитите* престанали много-много да излизат»

«Кърджалийският *спахия* не се вслушал в тия думи, надвзел жито от своите селяни, а сетне го намерили мъртъв, с глава, напъхана в крина, и промушен с кози рог»

«Этот Измаил заявил, что у него один сын и что свадьбу он сыграет такую, какая полагается человеку его положения: на ней будут и *скачки*, и *вольная борьба*, и награды победителям, и разливанное море шербета и *разных других напитков*»

[Петров 1987: 117]

«Прежние *удальцы* теперь уже остерегались шеголять своей силой»

[Хайтов 1972: 137]

«*Спахия* из Кърджали не послушался совета, содрал с крестьян лишнюю подать зерном, а вскорости нашли его мертвым, голова в кадку с зерном засунута, в груди козий рог торчит»

[Хайтов 1972: 137]

Лексику, связанную с упомянутым историческим периодом, можно обнаружить и в целом ряде ФЕ: «*Турска сила*, *българска неволя*», «нападнали като *делибаишии*», «нападнали като *кърджалии*», «Къде всички *турци*, там и гол *Асан*» и др. [см.: Георгиева 1998: 279 – 283].

Равным образом болгарскому читателю будут непонятны русские реалии, характеризующие период с конца XIV по XVII века (нпр.: *засека*, *приказ*, *челобитная*, *дыба*, *ишиак*, *ферязь*, *дьяк*, *бердыш*, *Смута* и др.). Важно отметить также, что именно период, включающий конец XIV и весь XV век, стал временем возрождения культуры русских земель, жестоко пострадавших от татаро-монгольского нашествия, – восстанавливались города, оживала торговля, росло ремесленное производство, возобновилось создание летописей, появились новые центры летописания. Поистине грандиозным событием в русской культуре описываемой эпохи было возникновение в середине XVI века книгопечатания. Кроме того, в XVI столетии невероятно возросло значение Московского государства как политической силы. Римские папы предпринимали неоднократные попытки договориться с русским правительством о церковной унии (с этим связано появление в русском языке лексем *уния*, *униат* и *униатский*) и совместной борьбе с Османской империей.

Заметный и трагический след в истории России оставил период начала XVII века, называемый Смутным временем, когда до предела обострились экономические и политические проблемы и страна подверглась опустошительным нападениям польских, шведских, крымско-татарских завоевателей. Неслучайно именно в эту историческую эпоху приобрели широчайшую известность, а позже превратились в прецедентные некоторые имена собственные, такие, как Иван Грозный, Лжедмитрий, Иван Сусанин; знаковыми стали также названия некоторых исторических реалий типа опричнина. Остановимся лишь на нескольких примерах:

«Пеплом зарядить пушку и выстрелить,
как прахом *Митьки-льжецаря!*!»

«С пепелта му да се зареди топыт
и да се изстреля като с праха на
Митка-лъжецаря!»

[Шишков 1976: 843-844]

«–Надеюсь, без вашего ведома
изобразили здесь эмблему *опричнины?*»

«–Надявам се, че емблемата на *опричнина*
е нарисувана тук без вашето знание?»

[Шолохов 1963: 2, 99]

В приведённых выше отрывках (и их переводах на болгарский язык) межкультурная коммуникация явно не состоится, по причине отсутствия у большинства современных болгарских читателей информации о таких исторических фигурах, как Лжедмитрий (Григорий Отрепьев) и таких явлениях, как *опричнина*.

Итак, рассматривая перевод как феномен межкультурной коммуникации, следует иметь в виду, что перевод представляет собой не простую замену слов и выражений одного языка словами и выражениями другого, а, как справедливо заметила И.С. Алексеева, «перевыражение или перекодирование» [Алексеева 2004: 5], иными словами, переводчик заменяет один культурный код другим.

Кроме того, перевод – это вид коммуникации, который осуществляется с помощью языка (точнее, двух и более языков), а язык представляет собой продукт культуры, её важную составную часть, а также отображение культурно-национальной ментальности его носителей, то для успешного осуществления данного процесса необходимо принимать во внимание культурную специфику народа,

с языка которого выполняется перевод, ибо в противном случае межкультурной коммуникации не состоится.

В заключение следует отметить, что хотя абсолютно точный перевод, с полной передачей всех смыслов, невозможен, в силу существующих различий между языками и (прежде всего) культурами разных народов, переводчик должен стремиться к тому, чтобы два текста (оригинал и перевод) стали по возможности взаимозаменяемыми.

Библиографический список

1. Алексеева 2004 - *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.
2. Верещагин, Костомаров 1990 - *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. – М., Русский язык, 1990. – с.269.
3. Влахов, Флорин 1980 - *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. — М., 1980.
4. Георгиева 1998 - *Георгиева С.* Иностранное присутствие в болгарской и русской фразеологии и паремиологии. В: Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. Белград, 1998.
5. Гончаров 1979 - *Гончаров И.А.* Обломов. Издательство Ленинградского университета. Л., 1979.
6. Йовков 1979 - *Йовков Йордан.* Избранное. Москва. «Художественная литература», 1979, пер. М.Михелевич, Б.Ростова, Т.Колевой, Г.Чернейко, Д.Горбова, Н.Шестакова и др.
7. Константинов 1984 - *Константинов, Алеко.* Бай Ганю. До Чикаго и обратно. София. «Свят», 1984, пер. Д.Горбова, Т.Колевой.
8. Костомаров 1999 - *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург, 1999.
9. Куняев 1988 - *Куняев С.Ю.* Мать сыра земля. Стихи. Москва. «Советский писатель», 1988.
10. Петров 1987 - *Петров Ивайло.* Избранное. Москва. «Радуга», 1987, пер. В.Ерунова, В.Поляновой, Т.Колевой, З.Ангеловой, В.Сушкова, Л.Хитровой, М.Роя.
11. Толстой 1974 - *Толстой А.Н.* «Петър Първи». София. «Народна култура», 1974, пер. С. Флорина.

12. Шишков 1976 - *Шишков В.Я.* Угрюм-река. Москва. «Прогрес», София. «Народна култура», 1976, пер. Б.Мисиркова и П.Велкова.
13. Шолохов 1963 - *Шолохов М.* Тихият Дон. Събрани съчинения в 8 тома. София. «Народна култура», 1963, пер. Г.Жечева.
14. Хайтов 1972 – *Хайтов Н.* Дикие рассказы. Москва. «Прогресс», 1972, пер. М.Михелевич, М.Тарасовой, О.Кутасовой.
15. Mounin 1963 - *Mounin, G.* Les problèmes théorctiques de la traduction / G. Mounin. - Paris : Gallimard, 1963.-P. 138.)
16. Философский энциклопедический словарь. 1983 — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. Цит. по:
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/543/КОММУНИКАЦИЯ.
17. <http://phenomen.ru/public/dictionary.php?article=400>.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Абрамова Вероника Игоревна
кандидат филологических наук,
доцент
Тульский государственный
педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула
e-mail: istinijobraz@mail.ru

Abramova Veronika Igorevna
Ass. Professor, Ph.D.
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University
Russia, Tula
e-mail: istinijobraz@mail.ru

Архангельская Юлия Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент
Тульский государственный
педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула
e-mail: archangelju@yandex.ru

Arkhangelskaia Julia Vladimirovna
Ass. Professor, Ph.D.
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University
Russia, Tula
e-mail: archangelju@yandex.ru

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ: ИЩЕМ «ЗЕЛЁНУЮ ПАЛОЧКУ» Л.Н. ТОЛСТОГО В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Аннотация. Авторы статьи, создавшие и апробировавшие в иностранной аудитории образовательный квест «Ищем "зеленую палочку" Л.Н. Толстого», делятся размышлениями о процессе и результате своей деятельности. В основу квеста легли основополагающие понятия философии Л.Н. Толстого – «единство» и «самосовершенствование». Путешествуя по виртуально воссозданному пространству усадьбы Ясная Поляна, иностранные студенты знакомятся с биографией великого писателя. Одновременно обучающиеся ищут буквы, из которых затем составляют слова, актуальные по своему значению и для философии Толстого, и для русской ментальности, и для них самих. Представленный в статье образовательный квест включает следующие блоки: вводный, биографический, экскурсионно-поисковый, философский, лингвистический, обобщающий, контрольно-измерительный, рефлексивный. Исследователи отмечают положительные результаты проведенного квеста.

Ключевые слова: образовательный квест, русский язык как иностранный, Л.Н. Толстой, «зеленая палочка», счастье, единство, самосовершенствование

V.I. Abramova, J.V. Arkhangelskaya

EDUCATIONAL QUEST IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE: LOOKING FOR "GREEN STICK" OF L.N.TOLSTOY IN THE VIRTUAL SPACE OF YASNAYA POLYANA

Abstract. Authors of the article who created and tested in foreign audience the educational quest «Looking for "green stick" of L.N.Tolstoy», share their thoughts about the process and result of the activity. The basis of the quest is formed by foundational ideas of L.N.Tolstoy's philosophy – «unity» and «self-perfection». Traveling through virtually reconstructed space of Yasnaya Polyana, foreign students become familiar with the biography of the great writer. At the same time students are looking for letters, from which they will then put together words which are relevant in their meaning for the Tolstoy's philosophy, for Russian mentality and for themselves. The quest, presented in the article, comprises the following units: inductive, biographical, excursion and searching, philosophic, linguistic, summarizing, monitoring and measuring, reflective. Researchers note positive results of the conducted quest.

Keywords: educational quest, Russian as foreign language, L.N.Tolstoy, «green stick», happiness, unity, self-perfection

Образовательный квест как современная интерактивная технология широко применяется педагогами в школе и в вузе при обучении дисциплинам гуманитарного и естественно-научного профиля. Часто квест-технология используется при обучении русских студентов иностранным языкам. Исследования Е.И. Багузиной, Г.А. Воробьева, Е.М. Шульгиной, М.А. Бовтенко показали, что в результате применения технологии веб-квеста у россиян, изучающих иностранный язык, эффективно формируются социокультурная и коммуникативная компетенции [1, 3, 10]. Существуют разработки по использованию квест-технологии и в методике преподавания русского языка как иностранного (Е.В. Толмачёва, А.В. Вавулина, Е.Ю. Николенко) [7, 2]. Следует отметить, что педагоги отдают предпочтение веб-квестам, т.е. поисковым заданиям, для выполнения которых необходимо использовать информационные ресурсы сети Интернет. Наша разработка – это тематический линейный образовательный квест для изучающих РКИ, который в зависимости от условий его реализации

может проводиться как с использованием Интернет-ресурсов, так и без обращения к ним.

Тема предлагаемого нами квеста – жизнь, творчество и философия Л.Н. Толстого. Название квеста «Ищем “зеленую палочку» Л.Н. Толстого» связано с одним из фундаментальных понятий в философии писателя. В детстве братья Толстые искали зеленую палочку, на которой будто бы написан секрет всеобщего человеческого счастья. Такую игру придумал старший брат Л.Н. Толстого Николай. Символ «зеленая палочка» писатель пронес через всю жизнь. В своих «Воспоминаниях» Л.Н. Толстой писал: «Очень, очень хорошо это было, и я благодарю бога за то, что мог играть в это. Мы называли это игрой, а между тем всё на свете игра, кроме этого» [8, т. 34, с. 392].

В конце жизни, в 1905 г., Л. Н. Толстой написал статью, которая называлась «Зеленая палочка» (опубликована посмертно в 1911 г.). В ней нет ни слова о зеленой палочке, но говорится о том, как правильно понимать главные жизненные ценности. Это свидетельствует о том, что «зеленая палочка» Толстого имеет не одно значение: это и волшебный предмет из сказки Николая Толстого, и символ всеобщей гармонии и счастья. Достичь их, по мысли Толстого, можно лишь путем самосовершенствования через постижение основных духовных истин – добра и любви к людям. Только это и может быть смыслом человеческого существования.

Мы не знаем, что было написано на зеленой палочке из сказки Николая Толстого. Но мы можем предположить, что написал бы на ней Лев Толстой. Обратимся для этого к дневникам писателя. В них отчетливо прослеживаются две идеи. Первая заключается в том, что счастье в единстве, в единении с другими людьми. В дневнике от 13 мая 1901 Л.Н. Толстой писал: «Ужасно одиноко положение того, кто не чувствует своего единения со всеми отдельными существами. Когда подумаешь о всех людях, существах, живущих отдельно, – ужас берет. Успокаивает и радует даже, когда их обнимаешь разумом и любовью» [9, с. 216].

Вторая идея – это идея о самосовершенствовании, духовной работе, усилении, которое исходит «изнутри». В дневнике от 1 января 1905 читаем: «То самое, что мы называем счастьем: здоровье,

богатство, слава, красота, все это <...> ослабляет нашу энергию, устраняет возможность или, по крайней мере, не вызывает потребность проявить усилие, – то самое, что дает истинное благо... Искать того, что называется счастливыми условиями жизни: богатства, славы, здоровья, красоты, привлекательности, – это все равно что согреться у печки, а не здоровым трудом на свежем воздухе» [9, с. 271]. В дневнике от 4 мая 1905 Л.Н. Толстой писал: «Для животного существа в человеке нужно счастье извне, для разумного, духовного существа нужно только усилие (усилие сознания) изнутри» [9, с. 278].

Будучи русским человеком, носителем русского менталитета, Толстой определял понятие «счастье» через базовые концепты русской культуры и ментальности – соборность (единение) и приоритет духовных ценностей (второстепенность материального) [4, с. 100–105, 115– 117].

Таким образом, цель разработанного нами квеста – познакомить студентов с понятиями, отражающими основные положения философии Л. Н. Толстого и базовые концепты русской культуры и ментальности.

Обе идеи – единство и самосовершенствование – актуальны и для иностранных студентов, изучающих русский язык в России. На зеленой палочке Толстого был написан секрет, как сделать всех людей счастливыми. Студенты, представители разных стран, оказавшиеся в одной учебной группе, – это маленькая модель мира, «всех людей». Здесь, в России, их объединяет русский язык, который они учат, русская культура, с которой они знакомятся и соприкасаются. Они приехали в чужую страну. И, естественно, что здесь, не дома, им не всегда комфортно. Радость узнавания своего в чужом, ощущение единства (через общие ценности) с другими людьми снимет этот дискомфорт.

Идея самосовершенствования для студентов тоже актуальна. Каждый из них должен прилагать усилия, чтобы освоить иностранный язык, войти в новую для себя культуру, найти общий язык с представителями других национальностей.

Прежде чем перейти к описанию разработанного и проведенного нами квеста, хотим отметить, что музей-усадьба

Л.Н. Толстого Ясная Поляна организует квест «Тайна зеленой палочки» для школьников (детей 7-12 лет). Интересный эксперимент, связанный с символом «зеленая палочка», проводился в Ясной Поляне в июне и августе 2017 года. Это был иммерсивный (от англ. *immersive* – «обеспечивающий эффект присутствия») спектакль «Зеленая палочка». Облачившись в рубахи-толстовки, участники постановки (актеры и зрители) отправлялись в путешествие по пространству усадьбы Ясная Поляна, пытаясь ответить на вопросы «Кто мы?», «Зачем мы живем?», «Что такое счастье?» Разрабатывая наш образовательный квест для иностранных учащихся, мы не использовали опыт проведения этих мероприятий, но обратили внимание на актуальность и продуктивность самой идеи.

Наш образовательный квест был проведен 21 декабря 2017 года в группе Г-2 (гуманитарный профиль: филологи, переводчики) на подготовительном отделении международного факультета Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Состав группы: 2 студента из Китая, 2 студента из Вьетнама, 6 студентов из Туркменистана. Уровни владения русским языком – элементарный и базовый.

Квест состоял из следующих блоков:

1) вводный блок

Данный блок имеет вводный характер. Студенты определяют понятие «счастье», исходя из собственного жизненного опыта. Преподаватель задает наводящие вопросы, корректирует ответы. Цель блока – пробудить рефлексия, побудить к высказыванию своего мнения по поводу основного вопроса, который будет обсуждаться на занятии.

В конкретной группе студенты определили понятие «счастье» через понятия «семья» и «успешная самореализация», пришли к выводу, что счастье нематериально и несиюминутно.

2) биографический блок

Преподаватель, используя презентацию PowerPoint, рассказывает студентам о жизни Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Цель блока – включить вопрос о счастье в биографический контекст, связать его с жизнью и творчеством Толстого. Проведение квеста можно предварить посещением Ясной Поляны. В этом случае

студенты, узнавая знакомые места, с большим интересом отнесутся к выполнению заданий. Реальную экскурсию в Ясной Поляне можно провести и после квеста. Тогда само пространство усадьбы и размещенные в нем объекты будут наполнены для студентов особым смыслом. Это пространство уже будет интеллектуально и эмоционально освоенным, духовно близким, своим, а не чужим.

После проведения квеста студенты группы Г-2 захотели побывать в Ясной Поляне независимо от того, посещали ли они усадьбу раньше.

3) экскурсионно-поисковый блок

Совершая виртуальную экскурсию по Ясной Поляне, студенты «посещают» объекты усадьбы (дом Л.Н. Толстого, флигель Кузминских, посадку «Елочки», любимую скамейку Толстого, Калинов луг). Выполняя задания, участники квеста находят буквы, из которых должны составиться слова, характеризующие понятие «счастье» для Л.Н. Толстого («единство» и «самосовершенствование»).

В ходе поиска студенты знакомятся с биографией Толстого, с его творчеством и философией. Таким образом, происходит реализация основной цели квеста.

Кроме того, блок включает лингвистический компонент (обращение к этимологии и лексическому значению слова «усадьба»).

Для более глубокого проникновения в художественный мир писателя группа может быть подготовлена к занятию, предварительно получив домашнее задание – прочитать рассказ «Филипок», а также небольшие фрагменты (при необходимости адаптированные) из романов «Анна Каренина» и «Война и мир».

Студенты группы Г-2 были разделены на две команды. Владующие базовым уровнем должны были составить из найденных букв слово «самосовершенствование», владеющие элементарным уровнем – слово «единство». Поиск букв не вызвал у команд сильных затруднений. Одним из вызвавших живой интерес элементов квеста стал поиск букв в комнатах дома Толстого. Студенты предложили и прокомментировали даже больше вариантов, чем задумали создатели квеста. Сразу были названы столовая, библиотека, «комната под

сводами», кабинет Толстого. Потом были предложены варианты «комната с бюстом» и «секретарская» (потому что секретари помогали Толстому разбирать письма, которые писали ему разные люди; Толстой, наверно, был счастлив, когда понимал, что нужен людям). Затруднение вызвал вопрос: «Где в Ясной Поляне могли косить траву?» Потребовалось объяснение, потому что студенты не знали значения слов «трава» и «косить».

4) философский блок

Цель блока – обобщить информацию и подвести студентов к важнейшим понятиям философии Л.Н. Толстого. Преподаватель еще раз напоминает студентам, что в понимании писателя являлось счастьем (быть вместе с близкими, общаться с природой, трудиться вместе с крестьянами, заниматься творчеством, стараться стать лучше, жить для людей). Пройдя в своем сознании этапы занятия, студенты должны составить из найденных букв два слова, в которых сконцентрировано для Толстого представление о счастье.

Студентам группы Г-2 понадобилась помощь преподавателя в составлении слов. Первая команда смогла самостоятельно составить из найденных букв только часть нужного слова – «-совершенствование». Вторая команда также смогла самостоятельно составить только часть требуемого слова – соединить суффикс -ств- и окончание -о слова «единство». Работа команд по составлению из букв слов и результаты этой работы оправдывают наличие следующего блока занятия.

5) лингвистический блок

Чтобы лучше понять составленные слова, считаем целесообразным проанализировать их вместе со студентами с разных сторон: с точки зрения фонетического состава и произношения; с точки зрения морфемного состава; с точки зрения словообразовательных связей и этимологии; с точки зрения семантики; с точки зрения грамматики; с точки зрения возможностей использования в синтаксических конструкциях. При этом задаем студентам вопросы типа: *Сколько букв и сколько звуков в словах «единство» и «самосовершенствование»? Сколько корней в слове «самосовершенствование»? Как образовалось это сложное слово? На какие слоги падают основное и побочное ударение в этом слове?*

К какой части речи относятся слова «единство» и «самосовершенствование»? Какого рода эти существительные? Имеют ли эти существительные формы множественного числа? Почему? Каково лексическое значение данных слов? При лингвистическом анализе применяем толковые и словообразовательные словари [5, стлб. 132]; [6, с. 54, 630].

Цель блока – побудить студентов проникнуть в суть составленных ими слов через лингвистический анализ, освоить их с помощью правил и законов изучаемого языка.

Студенты группы Г-2 справились с заданиями этого блока без видимых затруднений, хотя в анкете, которая была проведена после занятия, отметили, что лингвистическая часть была для них сложной.

6) обобщающий блок

Цель блока – финальное обобщение, сведение воедино трех основных линий занятия: биографической, историко-литературной и философской. В ходе виртуальной экскурсии студенты посещают могилу Л.Н. Толстого, который завещал похоронить себя в том самом месте, где, по легенде Николая Толстого, была зарыта «зеленая палочка». Преподаватель подчеркивает значимость этого символа для писателя, а также значимость жизни и творчества Толстого для русской и мировой культуры.

7) контрольно-измерительный блок

Цель блока – проконтролировать уровень понимания и усвоения студентами материала занятия. Учащимся предлагается ответить на вопросы теста (13 вопросов с выбором ответа/ответов). Вопросы теста можно разделить на две группы: 1) проверяющие усвоение фактического материала (например, «Как называется усадьба, в которой родился и прожил большую часть своей жизни Лев Толстой?», «Какие произведения написал Лев Толстой?», «Кто рассказал Толстому сказку о «зеленой палочке?»); 2) проверяющие понимание философской составляющей занятия (например, «Что такое единство?», «Что такое самосовершенствование?», «Почему Л.Н. Толстой в своих «Воспоминаниях» на склоне лет писал: «И как я тогда <то есть в детстве> верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать

им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает?»?»).

8) рефлексивный блок

Данный блок включает в себя проведение анкетирования студентов с целью установить обратную связь. Рефлексивный анализ результатов анкетирования необходим как преподавателям, так и студентам. Преподаватели получают информацию о том, какие элементы квеста необходимо скорректировать. Студенты, отвечая на вопросы анкеты, имеют возможность отрефлексировать свое эмоциональное восприятие занятия, элементом которого был образовательный квест.

Все студенты группы Г-2 отметили в анкетах, что занятие им понравилось. Среди сложностей были названы составление слов из букв («букв много, очень трудно»), лингвистические задания («немного было трудно»).

Таким образом, разработка, проведение и анализ урока, содержащего виртуальный образовательный квест, показывает следующее.

Образовательный квест – мощный мотивационный стимул, который, вызывая интерес к изучаемому материалу, помогает учащимся без напряжения усваивать содержание урока.

Особенно заметен положительный эффект образовательного квеста в том случае, когда содержание занятия предполагает обращение к разным предметам в их взаимосвязи (в нашем случае – к истории литературы, страноведению, философии, русскому языку), то есть когда урок является интегрированным, так как необходимость поиска делает обращение к определенным фактам оправданным и мотивированным для учащегося, а не «навязанным» учителем.

Предварительная стандартная экскурсия по местам, где предполагаются виртуальные поиски, повышает интеллектуальный и эмоциональный отклик учащихся: они узнают виденные ранее места на предложенных фотографиях и в видеороликах, и это является дополнительным стимулом к усвоению материала.

Кроме того, предварительное знакомство учащихся с небольшим количеством источников (в качестве самостоятельного выполнения домашнего задания) помогает в практике преподавания

РКИ сэкономить время при проведении образовательного квеста, сделать занятие более динамичным.

Образовательный квест в практике преподавания РКИ позволяет активно включать в урок учащихся с разной степенью владения русским языком, поскольку методика проведения образовательных квестов предполагает возможность деления учащихся на группы, каждой из которых дается отдельное задание.

Считаем целесообразным провести блиц-контроль усвоенных знаний непосредственно после занятия, содержащего образовательный квест, в конце урока, поскольку практика показывает, что в настоящее время (по мнению психологов, не в последнюю очередь под влиянием легкого доступа к интернет-ресурсам) память наших современников становится более слабой и избирательной (зачем напрягать память, если есть постоянный доступ к источнику информации?), особенно это касается молодежи.

Предложение заполнить после контрольного теста анкету побуждает учащихся осмыслить свои действия на уроке, проанализировать свое восприятие занятия, понять, что вызывало затруднения, оценить свое эмоциональное состояние на уроке.

Библиографический список

1. Багузина Е.И. Веб-квесты и их роль в развитии критического мышления и создании широкого лексико-грамматического контекста при обучении студентов английскому языку // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников: материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений (Москва, 4–5 октября 2013 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков. – Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России – М.: МГИМО – Университет, 2013. – С. 22–27.
2. Вавулина А.В., Николенко Е.Ю. Методические особенности использования технологии веб-квест при обучении РКИ на разных уровнях // <http://docplayer.ru/58421215-Metodicheskie-osobennosti-ispolzovaniya-tehnologii-veb-kvest-pri-obuchenii-rki-na-raznyh-urovnyah.html> (дата обращения 5.01.18)
3. Воробьев Г.А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) // Иностранные языки в школе. – № 2. – 2003. – С. 30–36.

4. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – 4-е изд.– М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
5. Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 13: С–сняться. 1516 стлб.
6. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. Т. 2: Словообразовательные гнезда. Р–Я. Производные слова, размещенные в гнездах. Одиночные слова. 886 с.
7. Толмачёва Е.В. Инновационное обучение РКИ (сфера «Строительный менеджмент») на основе информационно-коммуникативной веб-квест технологии. Дисс. ... канд.пед.наук. – М., 2015.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 томах (юбилейное). – М., 1928–1964.
9. Толстой Л.Н. Избранное (Исповедь. Дневники 1895–1905 гг. «Тайный» дневник 1908 года. «Дневник для одного себя»). Печатается по изданию: Собрание сочинений в двадцати томах. Примечания А.И. Шифмана. – Ростов н/Д.: Издательство "Феникс", 1998. – 544 с.
10. Шульгина Е.М., Бовтенко М.А. Дидактический потенциал технологии *веб-квест* в формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов туристского профиля // <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskiy-potentsial-tehnologii-veb-kvest-v-formirovanii-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-studentov-neyazykovykh> (дата обращения 5.01.18).

РЕЦЕНЗИИ

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskа Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

**ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО: СБ. СТ. V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (Г. ПЕНЗА, 22 –
25 МАЯ 2018 Г. / ПОД РЕД. О.В. БАРАБАШ; РЕДКОЛЛЕГИЯ:
М.Б. ВОРОШИЛОВА, Т.В. ДУБРОВСКАЯ, А.К. ДЯТЛОВА, Н.А.
ПАВЛОВА. – ПЕНЗА: ИЗД. ПГУ, 2018. – 484 С.**

Аннотация. Обзор представляет читателю сборник статей V Международной научно-практической конференции, организованной Пензенским государственным университетом при участии Университета национального и мирового хозяйства (г. София, Болгария). Участие болгарских специалистов из УНМХ, София, в проведении Международных конференций «Язык. Право. Общество» стало традиционным.

Ключевые слова: юрислингвистика, юридический дискурс, деловой язык, дискурсивный подход, межкультурная коммуникация

D.S. Lesnevskа

**LANGUAGE. LAW. SOCIETY: COLL. OF ARTICLES.
V INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
(PENZA, MAY 22 – 25, 2018 / UNDER THE EDITION OF
O.V. BARABASH; EDITORIAL BOARD: M.B. VOROSHILOVA,
T.V. DUBROVSKAYA, A. K., DYATLOVA, N.A. PAVLOVA. – PENZA:
PSU, 2018. - 484 P.**

Abstract. The review presents to the reader a collection of articles of the V International scientific-practical conference organized by Penza State University with the participation of the University of national and world economy (Sofia, Bulgaria). The participation of Bulgarian experts of UNWE, Sofia in the International conference "Language. Law. Society" has become a tradition.

Keywords: law linguistics, legal discourse, business language, discourse approach, intercultural communication

Настоящий сборник содержит статьи, представленные на V Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество», организованной Пензенским государственным университетом при участии Университета национального и мирового хозяйства (г. София, Болгария). Участие болгарских специалистов из УНМХ, София, в проведении Международных конференций «Язык. Право. Общество», стало традиционным (болгарская делегация принимала участие в IV Международной конференции ПГУ в 2016 г.).

На V Международной конференции 2018 г. был рассмотрен широкий спектр вопросов правовой коммуникации, обсуждались актуальные проблемы юрислингвистики¹. Сборник состоит из 10 направлений, которые соответствуют названиям 10 рабочих секций конференции. Первое направление посвящено лингвистической экспертизе текстов различных функциональных типов, в частности текстов процессуальных судебных документов, нормативных правовых актов, политического и исламского дискурсов. Исследуются особенности судебной лингвистической экспертизы. Второе направление включает в себя доклады, комментирующие рекламный текст и проблемы государственного контроля в сфере рекламы. Третье направление посвящено особенностям юридического термина и проблеме правовых дефиниций. Статья *А.И. Пенчевой* (УНМХ, София, Болгария) посвящена лингвоправовым аспектам определения коррупции в болгарском и российском законодательстве. Четвертое направление объединяет статьи, исследующие язык права как язык для специальных целей. В своей статье «Русский язык делового общения в болгарской русистике» *Д.С. Лесневска* (УНМХ, София, Болгария) прослеживает развитие теории и методологии исследования русского делового языка в работах болгарских русистов. Анализу подвергаются функционально-стилевой и дискурсивно-стилистический аспекты изучения делового русского языка в болгарской русистике, причем устанавливается преобладание контрастивных сопоставительно-

---

¹ Барабаш О. Подведение итогов V Международной конференции «Язык. Право. Общество», г. Пенза, 22 – 25 мая 2019 г. // Русистика без границы. Web. Хроника. 13.07.2018. <http://www.rusistikabg.com/>.

сравнительных исследований русского и болгарского бизнес-языков². Пятое направление посвящено проблемам межкультурной коммуникации и переводу юридических текстов. *С.В. Арсениев* (УНМХ, София, Болгария) представлен статьей «Особенности перевода термина "груб строеж" на русский язык». Проблемам перевода нарицательных названий населенных пунктов в России и в Болгарии с русского на болгарский и с болгарского на русский язык посвятил свою статью *В.С. Хантов* (Великотырновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария). Шестое направление рассматривает юридический дискурс как культурный феномен. В своей статье *И.Н. Цакова* (УНМХ, София, Болгария) касается проблемы лоббирования крупного бизнеса в условиях неолиберального капитализма и его влияния на судебную систему и юридический дискурс. Седьмое направление затрагивает проблемы языка СМИ – лингвоправовые аспекты речевых манипуляций в СМИ, а восьмое посвящено языку и праву в контексте языковой политики. Девятое направление включает статьи, рассматривающие роль художественной литературы и массовой культуры в формировании общественного правового сознания. Заключительное, десятое направление исследует формирование лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов. В статье *Е.Н. Гринько* (ПГНИУ, Пермь, Россия) рассмотрен дискурсивный подход к обучению английскому языку. Мультидисциплинарный подход в обучении научному письму исследуется в статье *Е.А. Дугарава* (Университет Сиего да Авила, Сиего де Авила, Куба). Комплексный подход к обучению юридической терминологии представлен в статье *А.Л. Игнаткиной* (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия).

Настоящий сборник способствует расширению и углублению сотрудничества между русскими и болгарскими вузами, в частности между ПГУ, г. Пенза, Россия, и УНМХ, София, Болгария.

---

² Лесневская Д.С. Традиции и современное состояние исследований делового русского языка в болгарской русистике // Университетская славистика: традиции, современное состояние, перспективы. – Белгард: Филолошки факултет, 2017. – С. 475 – 485.

ХРОНИКА

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevska Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

ДВЕНАДЦАТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУСИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Аннотация. В хронике рассматривается проведение XII Международного симпозиума «Русистика в современном мире» в Велико-Тырново, Болгария. Проведение симпозиума включило в себя два пленарных заседания и работу семи тематических секций. Симпозиум стал диалоговой площадкой для обсуждения актуальных вопросов русистики, объединивший видных ученых национальных и зарубежных вузов, представителей научных институтов.

Ключевые слова: симпозиум, русистика, славистическая компаративистика

D.S. Lesnevska

TWELFTH INTERNATIONAL SYMPOSIUM «RUSSIAN STUDIES IN THE MODERN WORLD»

Abstract. The chronicle examines the XII International Symposium "Russian Studies in the modern world" in Veliko Tarnovo, Bulgaria. The Symposium included two plenary sessions and seven thematic sections. The Symposium became a dialogue platform for discussion of topical issues of Russian studies, bringing together prominent scientists of national and foreign universities, representatives of scientific institutions.

Keywords: Symposium, Russian studies, Slavic comparative studies

11 – 14 октября 2018 г. в Великотырновском университете им. Св. Кирилла и Мефодия, г. Велико-Тырново, Болгария, состоялся XII Международный симпозиум, посвященный 55-летию кафедры русистики Великотырновского университета. В симпозиуме приняли участие 81 специалист из 8 стран: Болгария, Италия, Казахстан, Польша, Россия, Сербия, Тайвань и Япония. Были зачитаны 78 докладов.

Международные симпозиумы Великотырновского университета проводятся с 1971 года под эгидой МАПРЯЛ по инициативе кафедры «Русистика» при Филологическом факультете. Такие симпозиумы организуются в Болгарии, г. Велико-Тырново, каждые четыре года.

Организаторами XII Международного симпозиума были кафедра «Русистика» филологического факультета и руководство ВТУ им. Св. Кирилла и Мефодия при поддержке МАПРЯЛ, Общества русистов Болгарии, МОН Республики Болгария, РКИЦ – г. София, а также Федерации дружбы с народами России и СНГ.

После торжественного открытия симпозиума началась работа первого пленарного заседания. Открыл работу симпозиума пленарный доклад видного болгарского ученого, проф. *С. Димитровой*, посвященный роли экстралингвистического фактора в лингвистических исследованиях. Пленарные доклады зачитали также проф. *А.Д. Степанов* (СПбГУ, Санкт-Петербург), посветивший свой доклад особенностям современного русского романа; проф. *С. Георгиева* из ПУ им. Паисия Хилендарского (соавтор проф. *С.Г. Шулежкова* – МГТУ им. Г.И.Носова, Магнитогорск), выступившая на тему «новой фразеологии в новой Европе», а также проф. *Л. Цонева* из кафедры русистики ВТУ, рассмотревшая имена ведущих политиков в медиадискурсе. На втором, заключительном пленарном заседании выступил проф. *Г. Гочев* (кафедра русистики, ВТУ) – один из организаторов и постоянный участник традиционных Великотырновских симпозиумов, составитель и редактор Сборников докладов симпозиумов. В своем докладе проф. *Г. Гочев* рассказал об истории симпозиумов в рамках прошедших 47 лет.

Проведение симпозиума включало в себя работу семи секций: 1. Лексикология. Лексикография. Стилистика; 2. Словообразование. Морфология. Синтаксис; 3. Вопросы перевода; 4. Проблемы методики преподавания РКИ; 5. Литературоведение; 6. Прагматика; 7. Лингвокультурология и история языка.

В работе Симпозиума – 2018 традиционно преобладала тема славистической компаративистики. Ряд докладов был посвящен сопоставительным исследованиям русского и болгарского языков, таких как доклад ас. *И.Златева* (кафедра русистики, ВТУ, Велико-Тырново) «Повторы междометий в русском и болгарском языках»;

доклад гл. ас. *К. Симеоновой* (ИБЕ БАН, София) «Общее и национально-специфическое в некоторых болгарских и русских фразеологизмах»; доклад проф. *А. В. Циммерлинга* (ИЯ РАН, Москва) «Дативно-предикативные структуры в русском и болгарском языках» и др.

Сопоставительные исследования русского и польского языков были представлены в докладах польских русистов – проф. *Т.С. Домбровского* «Особенности перевода деловых писем и коммерческой документации с русского языка на польский и с польского языка на русский на занятиях со студентами-филологами» и проф. *А. Гинтера* «Цвето-звуковые метафоры русского и польского языков (сравнительно-сопоставительный анализ)» – оба профессора из Лодзинского университета, Лодзь, Польша.

Трехязычные сопоставительные исследования представили в своих докладах гл. ас. *В. Канева* (кафедра классических и восточных языков и культур, ВТУ, Велико-Тырново) «Метонимические переносы русских названий животных и их соответствия в болгарском и греческом языках» и преп. *М. Христова* (кафедра обучения иностранным языкам, ВТУ, Велико-Тырново) «Выражение грамматической категории таксиса в русском, болгарском и немецком языках в сравнительном плане».

Русско-английские эквиваленты терминов родства речевого этикета в свете социолингвистики комментируются в докладе ас. *С. Христовой* (кафедра «Славистика» ЮЗУ, Благоевград) «Социолингвистический аспект терминов родства в этикетной речи аристократии XIX века (русско – английские параллели)».

Актуальным вопросам русско-болгарского параллельного корпуса был посвящен доклад известного петербургского болгариста, проф. *Е.Ю. Ивановой* (кафедра славянской филологии СПбГУ, Санкт-Петербург) и проф. *К. Алексовой* (кафедра болгарского языка СУ, София) «Презумптивные формы в русско-болгарском параллельном корпусе». Вопросы русско-болгарского параллельного корпуса рассматривались и в докладе ст.научн. сотр. *Д.В Сичинава* (ИРЯ РАН, Москва) «Болгарская дубитативная сверхсложная форма и ее русские соответствия в параллельном корпусе».

По актуальному вопросу о лингвокультурном анализе качества современных академических переводов с русского языка на английский выступила с докладом ведущий российский специалист по методике обучения иностранным языкам, в частности РКИ, проф. *В.В. Сафонова* (МГУ им. Л.М.Ломоносова, Москва). Трудности при переводе юридических документов комментировала в своем докладе гл. ас. *Г. Драгоева-Тальская* (Университет им. Проф. д-р А. Златарова, Бургас). Доклад ст. преп. *М. Врачу* (Ясский университет, Яссы) был посвящен переводу канонических произведений русской литературы как факт межкультурной коммуникации. Проф. *Г. Гочев* (кафедра русистики, ВТУ, Велико-Тырново) выступил с докладом о прагматической адекватности перевода: «Звуко-цветовой эффект поэтического текста и прагматическая адекватность перевода»

Был зачитан ряд докладов, рассматривающих проблемы преподавания русского языка как иностранного (РКИ): доц. *И. Бирова* (кафедра русского языка СУ, София) «О переводе как языковой игре»; доц. *Д. Лесневска* (УНМХ, София) «Современные тенденции в обучении русскому языку как иностранному в болгарской среде»; доц. *М.Н. Образцова* (Кемеровский гос.у-тет, Кемерово) «Применение методики пропозиционально-фреймового моделирования при обучении русскому языку как иностранному». Проблемам тестового контроля был посвящен доклад доц. *А.П. Жоровой* (кафедра русского языка МГУ, Москва) «Дискурсивная компетенция в области письма: некоторые проблемы тестового контроля».

Ряд докладов был посвящен обсуждению литературоведческих вопросов. Доц. *Н. Няголова* (кафедра русистики, ВТУ, Велико-Тырново) выступила с докладом «Интертекст русской классики в фильме «Зимняя спячка (2014) Нури Бильге Джейлана».

XII Международный симпозиум в Велико-Тырнове усилил и углубил международное научное сотрудничество в сфере русистики, болгаристики и славистики.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru
(10 пунктов)

И.В. Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V. Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами
Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2],[7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт.).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // *Стиль*. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com